

**Григорий
Ерёменко
Леонид
Чекалкин
Пётр
Чекалов**

**Чёрным
по белому
Трёхкнижие**

Москва
Грифон
2021

УДК 821.161.1-14
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Ч-37

Обложка художника *Петра Ефремова*

Чекалкин Л.И.

Ч-37 **Чёрным по белому. Трёхкнижие** / Г.В. Ерёменко,
Л.И. Чекалкин, П.К. Чекалов. – М.: Грифон, 2021. – 300 с.

ISBN 978-5-98862-629-9

УДК 821.161.1-14
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-98862-629-9

© Леонид Чекалкин, 2021

Содержание

Ерёменко Г. <i>Милостью Божией</i> _____	5
Чекалкин Л. <i>Причащённый тайне</i> _____	17
Чекалов П. <i>Лирика Л.И. Чекалкина</i> <i>«Пред вечностью душа моя чиста...»</i> _____	267

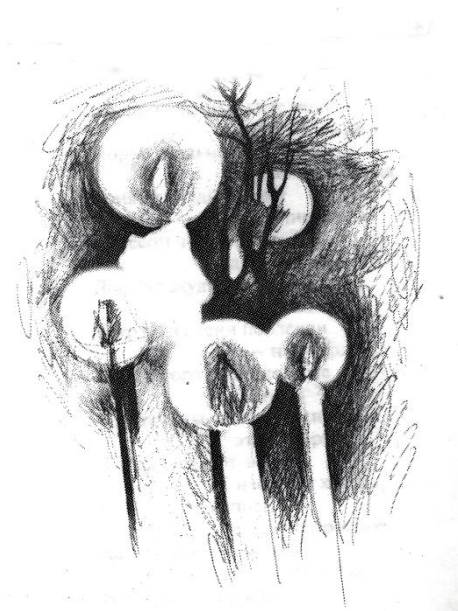

Милостью Божией

Ерёменко Григорий Владимирович, российский писатель, востоковед, кандидат экономических наук, в прошлом – сотрудник Министерства иностранных дел. Победитель конкурса «Золотое перо Руси» (2017), публикуется в Библиотеке профессиональных писателей.

Милостью Божией

На простой вопрос: «Как приходят в поэзию?», точного ответа как не было, так и нет. Среди стимулов, подтолкнувших к первой рифмованной строчке, называют любовь, разлуку, страдания, счастье-несчастье, лунный свет и запах жасмина, службу в армии, автономное плавание и прочие земные и понятные явления. То есть, имеется в виду, что в основе каждой поэтической судьбы лежат некие сильные впечатления, которые будущий поэт получает от жизни.

Это, несомненно, так, душевные потрясения поэту, конечно, необходимы. Потому что без них не проснётся душа и не откликнется на чужую боль, в чём, если кратко, и состоит предназначение поэта.

Но есть ещё Божья искра, которая имеет иррациональную природу и земными словами объяснена быть не может: таким уродился, говорят о феномене. Или же «родился с серебряной ложкой во рту». Всё. Подразумеваемая, что дар такому человеку дан Богом.

Люди эти живут в своём мире, говорить с такими счастливыми сложно, а уж тем более непросто пытаться выспросить, как им даются стихотворные строчки, достающие до дна души. Они, как правило, отнекиваются, говоря, что стихотворение пришло само, а их роль сводилась к тому, чтобы просто записать строчки.

О подобном человеческом феномене не будет, наверное, преувеличением сказать, что на его становлении как Поэта сказывается не только собственная жизнь, но и

жизнь предшествующих поколений – отца-матери, братьев-сестёр и даже бабушек с дедушками.

Ещё до появления Лёни Чекалкина на белый свет вокруг его родителей клубилась некая субстанция, сотканная и из счастья, и из горя, как бы готовя их к появлению на свет одарённого сына.

...Срочную службу Иван Чекалкин проходил в Кировской области в должности финансиста войсковой части, в обязанность которого входила ежемесячная выдача денежного довольствия. И раз в месяц он седлал лошадь, брал в качестве сопровождающего бойца с винтовкой и отправлялся в финчасть дивизии, где ему выдавали причитающуюся денежную сумму.

Так было и в тот памятный день, который, кстати говоря, был днём его рождения. Он благополучно получил деньги, перекинул через круп лошади два брезентовых мешка с банковскими сургучными печатями и поскакал обратно. И буквально через километр заметил, что левый мешок явно перетягивает правый, и перемётная сума начинает сползать влево. И в итоге падает на землю.

Когда он поднял с земли мешки, то почувствовал, что один из них ощутимо тяжелее другого, и понял, что такое могло произойти в единственном случае: если в финчасти дивизии в один из мешков упаковали денег больше, чем во второй.

Вопрос «как быть», перед Иваном не стоял, они с бойцом резво развернули коней и поскакали обратно.

В финчасти он увидел картину, которая навсегда впечаталась в мозг: на фоне открытого окна стоял, приложив наган к голове, его дивизионный коллега, по ошиб-

ке упаковавший в злополучный мешок двойную сумму денежного довольствия.

...Он потом плакал у Ивана на плече, причитая что-то неразборчивое о чудесном спасении, о семье и детях, чем привёл спасителя в невероятное замешательство – спасённый был, на взгляд спасителя, почти пожилым человеком, годившимся ему, салаге, в отцы.

История на этом не закончилась, она имела пронзительное продолжение. Стояла весна 1953 года, только что умер Сталин. Юный Лёня Чекалкин с отцом шли по второму этажу ГУМа и на первом этаже увидели человека, не заметить которого было невозможно: он был без пальто, в одном потёртом костюме, совершенно лысый и со сморщенным, кирпичного цвета лицом.

Мелькнул человек, и мелькнул – Чекалкины лишь переглянулись и пошли дальше. И спустились на первый этаж.

А дальше случился один из тех сюрпризов, которые запоминаются на всю жизнь: тот самый лысый, сморщенный человек, вынырнув из толпы, схватил старшего Чекалкина за руку и тихо спросил: «Иван Авдеевич, не узнаёшь?»

Это оказался тот самый дивизионный финансист, которого Иван Чекалкин спас от самострела в далёком довоенном году. Судьба не помиловала его, он всё-таки отсидел по пятьдесят восьмой статье десять лет, недавно вышел на свободу и теперь пытался найти себя в новой, незнакомой жизни. И к неистовому своему изумлению, первый знакомый, встреченный им после тюрьмы, был человек, когда-то спасший ему жизнь. «Добрый знак, – твердил он, тряся руку Чекалкина-старшего, – ну, давай Бог...»

Лёня, конечно, ничего из причитаний странного незнакомца не понял, но непонятное потрясение испытал и растерянно молчал. Когда же отец рассказал историю этого человека, потрясение только усилилось – не мог Лёня понять неискушённым своим умом, как такое могло случиться в жизни. Но в памяти та встреча осталась – она стала, пожалуй, первым жизненным эпизодом, ужалившим его в сердце.

Впоследствии таких эпизодов наберётся неисчислимо, но та встреча в ГУМе станет, повторю, первой реперной точкой на пути Леонида Чекалкина в поэзию...

Но сначала – несколько слов о его появлении на свет.

Весна 1939 года оказалась тяжёлой, началась война между Советским Союзом и Японией. Майор Чекалкин служил в Монголии, которая стала театром военных действий, и название «Халхин-Гол» вторглось в мирную жизнь народа. Был месяц май, война уже шла, и помимо этого общего горя, в семью майора пришла своя лютая беда: нежданно-негаданно, буквально за одну ночь, умирает его четырёхлетняя дочка. Отец собирается выехать на похороны в Улан-Батор, но его не отпускает командование, и он, собрав продуктовую посылку, отправляет машину к семье, в столицу Монголии. До Улан-Батора от места его службы было 900 километров, и машина, не пройдя и половины расстояния, подрывается на mine.

Так Чекалкина-старшего в первый раз чудесным образом минует смерть, давая ему возможность исполнить свой долг на земле – родить сына.

На следующий день происходит ещё одно чудо: командование, узнав о его горе, выделяет самолет и от-

правляет майора в Улан-Батор. Где полной мерой сваливается на него горе-горькое: жена после смерти дочки, не вынеся невероятного по жестокости испытания, впала в кому. Из которой вышла через несколько дней совершенно седой. И было ей неполных тридцать восемь лет.

...Дочку звали Луиза, поэтому, когда в сентябре 1940 года на свет появился мальчик, ему, в память об умершей сестре, дали имя Леонид – хоть и необычная, но всё же память о жившей когда-то на Земле девочке.

В начале сорок первого года майор Чекалкин получает новое назначение, и семья в полном составе – отец, старший брат, Лёня, мать и бабушка – отправилась к новому месту службы, в Харьков.

Сначала нужно было, конечно, доехать до Улан-Батора, откуда ходили поезда в Москву. Им выделили машину, судя по описаниям, обычную полуторку Газ-АА, небольшой бортовой грузовичок, на котором тогда ездила вся Красная армия. Мать с младенцем на руках посадили в кабину, остальные разместились в кузове, и они поехали.

Вёл машину обыкновенный солдатик срочной службы, имя которого они не записали, и оно, за давностью лет, стёрлось из памяти. Хоть солдатик тот, выходило, спас их жизни.

Монгольские дороги могут укачать кого угодно, и пассажиры грузовичка стали дремать. К тому же на землю упал туман, и ничего не было видно буквально на пару метров вокруг.

Монголия – только для дилетантов захоlustье, на самом же деле это удивительная страна с удивительной природой. Здесь начинается Великая степь, свидетель-

ница многих и многих судьбоносных дел предков, где-то здесь, по преданиям, зарыт великий воин всех времён Чингисхан. Бескрайние степи сменяются здесь пологими холмами, а по горизонту стынут в поднебесье ледяные хребты Алтая.

Так и ждёшь, что вот из-за этого холма вылетит на коне неистовый Гесер-хан, герой монгольского эпоса. И встанет на фоне невероятного заката, и натянет свой лук, целя в лишь ему видимую цель. Или прозвучат вдруг аккорды тысячелетней мелодии, извлекаемые из монгольской лютни тонкими пальцами красавицы Айши...

Неторопливо катит по степи военная машина, везя к счастливой жизни офицерскую жену с маленьким сыном на руках и полный кузов попутчиков, которые тоже спешат на вокзал по своим военным делам...

Мать дремала, и снилось ей что-то хорошее, она улыбалась во сне. И так и не смогла позже объяснить, что её разбудило и заставило неистово закричать. Шофёр ударил по тормозам, вылез из кабины. А через минуту вернулся, белый, как полотно. Выпрыгнувший из кузова отец открыл пассажирскую дверцу и осторожно высадил жену с сыном на землю. Посмотрев на передние колёса, мать испытала настоящий ужас, неизвестно какой по счёту за последние месяцы: оба передних колеса машины наполовину свисали над пропастью стометровой глубины, по дну которой вилось русло небольшой речки.

При чём здесь новорождённый Лёня, который ещё ничего не понимает и беспечно спит в материнских руках?

Притом, что в его маленькое естество вторгаются земные страсти окружающих людей. И материнский ис-

пуг оставил в душе свой след, и след этот ещё аукнется в жизни пронзительными строчками посвящённых матери стихов...

Это – с одной стороны. С другой же...

Математики, основываясь на теории вероятности, пытались строить модели судеб людей, исходя из суммы факторов – возраста, пола, профессии и прочего. И у них получалось примерное равенство между выпадением в жизни человека счастливых и несчастных случаев. Подобно тому, как приблизительно поровну выпадают решка и орёл при игре в орлянку.

У Лёни и его родных в этом уравнении преобладают счастливые случаи – не раз и не два Бог являл им своё милосердие и удерживал буквально на краю. Началось это чудесным спасением в Монголии и продолжилось в последующей жизни, а начавшаяся война стала бескрайним полем для доказательства того, что нет никакой орлянки, есть Божья воля.

...Таким был фон появления на свет нового человека, и фон этот, что бы ни твердили атеисты и скептики, несомненно, накладывал суровую печать на характер и психику будущего поэта и добрейшей души человека Леонида Ивановича Чекалкина.

...Они благополучно прибыли в Харьков, стали обживаться в этом чудесном городе, но испытания не оставили семью, и в том числе – маленького Лёню.

С продуктами накануне войны были проблемы даже в украинском Харькове, в обиходе была растительная пища – картошка, капуста, лук, чеснок и другая зелень, так что о качестве материнского молока говорить не приходилось. И грудничок отравился, стал почти невесомым, и в чём держалась его душа, было непонятно. Родные оста-

вили всякую надежду, и только вмешательство военного врача из госпиталя по соседству, с которым случайно разговорилась на улице бабушка, спасло мальчишку.

Он выкарабкался. Откуда взялись жизненные силы у бедного мальчишки, не может сказать никто. Видать, держало его на земле некое будущее предназначение, высшая задача, с которой он пришёл в жизнь.

...Войну они встретили в Харькове, и испытания продолжились. Бабушка с Лёней возвращались на трамвае из госпиталя, куда она возила внука на очередной медицинский осмотр. Они проезжали мимо харьковского вокзала, и картина, которую годовалый Лёня увидел в следующее мгновение, запомнилась ему, несмотря на возраст, на всю жизнь. Одновременно с оглушительным звуком крыша здания рядом с вокзалом вспучилась, полетели доски, листы кровли и стёкла, и передняя стена с большими окнами стала медленно валиться вперёд.

От трамвая остался искорёженный остов, но он заслонил пассажиров от смерти. Серьёзно пострадала одна женщина, ей оторвало руку. Леонид Иванович знает это по рассказам бабушки, которая заканчивает рассказ всегда одинаково:

– Как же она, бедная, кричала!

А Леониду Ивановичу кажется, что этот крик он помнит, как помнит и трамвай, и пыль разрушенного здания, из-за которой было невозможно дышать.

Недаром кто-то сказал о родившихся в сороковых годах: «Вы – последнее поколение, что-то понимающее о войне...»

...Дальше была эвакуация в Киров, глубокий тыл, где, казалось бы, прямой угрозы жизни, как в Монголии

или Харькове, уже не было. Но был на фронте отец, и его жизнь была, конечно, игрушкой в руках судьбы.

Он служил в Белоруссии, в штабе партизанского движения. Казалось бы, в относительной безопасности. Но, как известно, безопасных мест на войне не бывает, от пережитого у Чекалкина – он был уже подполковником – случается обострение язвы с кровотечением, и если бы не вмешательство начальника тыла партизанского движения, подполковник, скорее всего, не прожил бы и суток. Добрый же ангел-спаситель, начальник тыла, сажает подполковника Чекалкина в самолёт и отправляет в Москву прямо на операционный стол. И подполковник выживает, продолжая исполнять долг солдата...

...В очередной раз военная судьба явила милосердие старшему Чекалкину в обстановке вполне на первый взгляд безопасной: его вызвали в Москву на совещание. Казалось бы, что с ним могло случиться в Москве? А случилось.

После совещания он задержался в штабе и попал в гостиницу, в которой его разместили, глубокой ночью.

Войдя в свой номер, он увидел, что тот занят: на его кровати спал какой-то человек – его китель с золотыми полковничьими погонами висел на спинке стула.

Для фронтовиков слова «боевое братство» – не пустой звук: майор не стал будить полковника, а тихонько вышел из номера и отправился к сослуживцу по Монголии, у которого в Москве на Цветном бульваре была комната в коммунальной квартире.

...Когда он на следующее утро явился в штаб, его встретили изумлёнными взглядами: ночью гостиницу разбомбили, и его сочли погибшим: бомба ударила точ-

но по его номеру, где спал неизвестный полковник, останки которого и приняли за Чекалкина.

...Эти семейные предания были атмосферой, воздухом, в котором рос Лёня Чекалкин, и в котором складывалось его восприятие мира, формировались ориентиры в системе «хорошо – плохо» – по ним ему было суждено идти по жизни. И открылись некие душевные каналы связи с людьми и природой, так что неудивительно, что душа мальчишки, проштемпелёванная войной, откликнулась на жизнь поэтическими строчками, что стало делом всей его жизни.

Ему повезло и с воспитателями-учителями: в школе 518, которую считали прикремлёвской и которую Леонид Иванович закончил с отличием, было особое отношение к обучению недорослей – их учили думать.

До сих пор Леонид Иванович Чекалкин с благодарностью вспоминает учителей. Скажем, преподавателя русского языка и литературы Надежду Васильевну Косареву, дочь репрессированного первого секретаря ЦК ВЛКСМ, которая открыла Лёне глаза на сокровища русского поэтического языка.

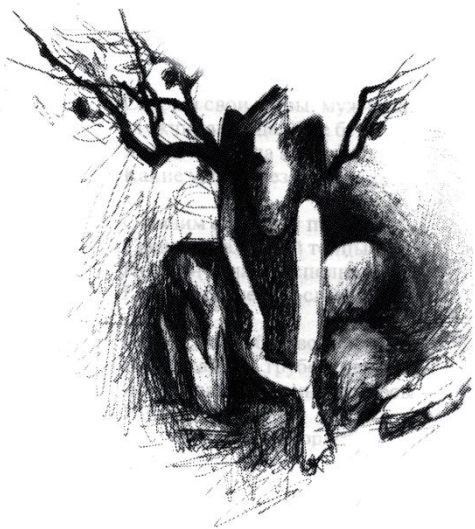
Как человек приходит в поэзию? Через преодоление: с двух рук лупит его судьба, доказывая: нет ничего хорошего в подлунном мире! А Поэт, подчас истекая кровью, упорно твердит: есть! Мир есть любовь, хоть каждый понимает эту формулу по-своему...

Причащённый тайне...

Чекалкин Леонид Иванович, научный и общественный деятель, ветеран ВС, публицист и литератор, поэт, член Московской городской организации Союза писателей РФ и Международного союза журналистов. Автор многих книг стихов, книг-исследований «Детство – под угрозой?», «Дети Отечества – Герои будущего (Культура детства)». Доктор социологии, почётный профессор Европейского университета, академик Европейской и Российской академий естественных наук, исполнительный директор некоммерческого партнёрства «Герои Отечества. Эстафета поколений».

ЦЕЛЬ

Цель – высока.
И всё же – достижима.
Пытаясь это снова доказать,
К ней подступая, пролетаю мимо,
Чтоб восхождение заново начать.
А воздух – чист,
Хотя и лес разрежен,
Шум ощущается в ушах,
Гуляет вольно ветер свежий,
Привыкший жить в горах.
Но дух – высок,
Выводит на дорогу
И заставляет устремляться вверх,
Чтоб оказаться ближе к Богу
И искупить безделья тяжкий грех.

СВЕТЛЫЙ ЛИК НЕБЕС

*Когда уронит лес последний
лист сухой...*

А. Фет

Роняет скудный лес последние листы.
И светлый лик небес нисходит с высоты.
Призывный слышен крик летящих журавлей,
И наступает миг прощания полей
С последним тёплым днём, без ветра и дождя.
Боль растворится в нём – как будто походя.
Пока же литься свет с небес не устает, –
Не знает сна поэт и листьям счёт ведёт.

ЗАДУМЧИВЫЙ АНГЕЛ

Светлане

Задумчивый ангел печали,
Незримый хранитель любви,
Скитается где-то ночами,
Но след оставляет в крови.
А след остаётся всегда,
И я замечал не однажды:
Расстанусь с тобой, и тогда
Опять умираю от жажды.

ПОЭЗИЯ

Живучее долготерпенье...
Самой судьбой придуман долг –
Таить в душе своей творенье,
Где образ нежности – продрог,
Где не востребовано чувство
Любви. Но чувствовать – изволь...
Поэзия – почти всегда – безумство,
Как быль, в которой правит боль.

НАЧАЛО

Поэту Евгению Юшину

День, угасая, видит: строга,
Муза босая уходит в луга.
Смятые травы от самых корней –
След от потравы вольных коней.
Тайные гнёзда, и птиц голоса,
Первые звёзды, луны полоса –
Сладкою болью свободно дыша,
Кланяюсь полю – родилась душа.

НА РАССВЕТЕ

Надежде Ступиной

Не пойду на поводу
Грешного совета,
А отправлюсь по водú
К логову рассвета.
Зачерпну ведром воды
Из глубинной теми, –
Проглочу упрёк беды,
Обуздаю время.
И пробьётся робко свет
Из высокой дали,
И отыщется ответ
На вопрос печали.

ВРЕМЯ ВЫШЛО

Время – вышло.
Вдруг день показался короче,
Чем его календарный удел.
Знать, длиннее окажутся ночи,
Временной совершив передел.
Значит, будет возможностей больше –
Помечтать, долюбить и вернуть
То забытое чувство, где горше
Невозможно исследовать путь
Возвращения к началу, к истокам,
Где заложена тайна измен:
Оголённый там провод – под током,
Ток ударит в момент перемен.

ПРЕДЕЛ

Мне важно знать теперь –
не завтра, не потом:
Конечна ль боль потерь,
разрушивших мой дом?
Мне важно знать сейчас,
пока глаза – в глаза,
Когда разлучит нас
внезапная гроза.
Мне важно знать всегда
своей судьбы предел,
Чтоб я – спустя года –
его преодолел.

ПОДАРОК

Я знаю – так над пропастью стоят.
Как я стою, переосмысливая годы...
Деревья северной породы
Ветвями мрачными шумят.
Сырая ветвь косым ударом
Хлестнула больно по лицу.
А ворон проворчал: «Недар-ром
Такой подар-рок гор-рдецу».

БЕЗ ПОМЕХ

Давно приучен к созерцанию,
С заёмной болью – обручён.
Но быть готовым к состраданию
Самой природой обречён.
И грешную судьбу приемлю –
Пути другого не было и – нет,
И не мешаю слать на землю
Рассвету – чистый свет.

НОЧНЫЕ ФОНАРИ

Хорошо б потерять свою память
И судьбу свою переупрямить,
Полюбить белоснежное поле листа.
День наполнить рождением мысли,
Освятить его стоящим смыслом,
Отомкнуть наконец-то уста
Для весомого доброго слова,
Обращённого в прошлые дни.
Там молчаньем предстала основа
Бытия, но закат подменили огни
Госпитального тихого парка.
Здесь в мороз было больно и жарко –
Слишком резко, внезапно и ярко
По ночам загорались они.

ИТОГ – В НАЧАЛЕ

Ход времени бесшумен, невесом,
И выверен космической разметкой.
А я пою – с природой в унисон,
Сливаюсь с нею каждой клеткой.
И знаю всё, не зная ничего,
Но в море помню о причале.
А сердце, если чувствуешь его,
Живёт догадкой: итог – в начале.

КАЖДЫЙ ДЕНЬ, КАК ПОСЛЕДНИЙ

Отныне день любой – прощание земли.
Здесь даже сон – из тайников кощунства.
Заката тени ледяные пролегли –
От забытья до призраков искусства.
Звук колокольни – поминальный звон,
Тень дерева – часов увечных стрелка.
А память дня, стремящегося вон,
Как смытая со стен домов побелка.
Тревожный свет, рождая сонм теней,
Ещё ласкает глаз моих сетчатку,
Но на востоке лес уже – темней,
А площадь вяжет из теней перчатку.
Дух воровской рождает страх и боль,
И двери – на засов, и тишина в квартире.
А домовой, взлетев на антресоль,
Грустит, что мало бедокурил в мире.
Здесь тайны сумрачных лесов
Не стали явью, обнажив гнездовья.
Самой земле – не до земных красот,
Не до снегов, не до утех зимовья –
Последний день. Но, заглушая боль,
Помыслить не могу о пораженье –
Минувшего глотаю алкоголь,
И верю, и не верю в возрожденье.

ЗВЁЗДНО

В небесном океане – звёздно.
И звезд – не сосчитать,
И океан – не переплыть...
Ещё возможно – полюбить,
Разочаровываться – поздно.

ПОЧТИ МОЛИТВА

О Господи! Услышь мою мольбу.
Не за себя прошу, за дочь,
Всё существо её люблю,
Но бесконечно длится ночь,
Не наступает утро,
Тревожная приходит мысль.
Я долго вглядываюсь ввысь,
Построенную мудро.
Молю:
О Господи! Спаси дитя моё!
И от неё отринь напасти.
Другого не желаю счастья –
Лишь только знать, что длишь ей бытиё.
О Господи!
На склоне этих лет
Яви свою святую волю –
И дочке подари рассвет,
Не омрачённый болью.
О Господи,
Молю: – Дитя моё – не покидай,
Когда я буду ей помочь не в силах,
И, миру прошептав Прощай, –
Исчезну в небесах необозримых.

СУДЬБА МОЯ

В чистом поле – бездорожье.
Даль нетронутой лежит.
В небесах по воле божьей
Птица хищная кружит.
Налетает стылый ветер,
Угрожает слать снега.
Я – единственный на свете,
Чья судьба ещё строга?
Принимаю жизнь, как надо –
Без тоски и без нытья –
Помню праздник листопада,
Помню пеньё соловья.
Ничего, что боль живая
Поселилась с давних пор,
Рана ноет, заживая,
Помнит выстрелы в упор.
Но совсем не в этом дело –
Жизнь не кончилась пока,
И является несмело
Стихотворная строка.
И не в этом дело тоже,
Жизни смысл совсем иной –
Держит путь с судьбой похожей
Мой наследник молодой.
И живёт его сестрица,
Чей характер – не по мне,
Но его не видит птица –
Занавешен свет в окне.
Дочь моя – моя кровинка,
Значит боль её – со мной,
И судьба пред ней повинна
Несгораемой виной.

ЧУВСТВОВАТЬ ЧУДО

Писателю Владимиру Личутину

Ниспослан, не скован, активен
Невидимый знак ниоткуда.
Не ясно – насколько красив он,
Страшны ему боль и остуда?
Похож он на праздничный ливень,
Упавший разбуженным утром,
В своём устремленье наивен,
Иль действие явлено мудро?
Не знаю, и знак мне неведом,
Но утро прекрасно и влажно,
И я в мир иной не уеду,
И мне это кажется важным.
И можно полночные строки,
Пришедшие вновь ниоткуда,
Принять как уступку пороку –
Умению чувствовать чудо:
Вылавливать в вечном просторе
Бесшумно летящие звуки –
Основу для неких историй,
С которыми были в разлуке.

СВОЙ ПУТЬ

*Писателю и художнику
Сергею Луконину*

Весть вернуться успела –
Прилетела сюда,
Где и скрипка запела,
И возникла звезда,
Как и в прежние ночи.
Где рассвет, как испуг,
Он теперь, между прочим,
Закадычный мой друг...
Обостряется зренье,
Направляясь вовнутрь.
Мысль приходит в движенье,
Пробивая свой путь,
Претендуя на право
Утишать чью-то боль,
Отстраняясь от славы,
Согласившись с судьбой...
Скрипкой сыграно скерцо,
Закатилась звезда...
Чую шрамы на сердце
Без большого труда.

ЖИВАЯ РЕЧЬ

Я перед прошлым виноват
Не больше, чем другие.
Не страшно посмотреть назад,
Увидеть дни нагими –
Без прикрывающих словес
И ссылок на погоду,
А с высоты немых небес
Грядущему в угоду.
Важнее посмотреть вперёд –
Где горизонт подвижен,
Счастливых дней – наперечёт,
Где слышу всё и вижу.
И потому спешу сберечь
Запас конечный воли,
Чтоб понимать живую речь,
Не подчиняясь боли.

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

В последний час, в последний миг неволи –
Зависимости от привычной боли –
Вдруг трепет ощутил. Не зная, – почему.
Я столько дней терпел, познал приметы
То возрастания, то ущемленья света,
Который жить мешал мне одному.
И вот настал он, миг освобожденья
(Ответ за трудные часы долготерпенья) –
Боль отпустила. Боже! Больше нет её!
Но что же делать? Как мне дальше жить?
Возможно ль снова небо полюбить?
И разве может быть без боли житиё?

ВЕСЁЛАЯ ПИЧУГА

Полночный соловей – весёлая пичуга.
Его рулады – праздник и причуда.
А настоящие мгновения – строги,
Готовят мир к явлению строки
Цветной окраски утреннего склада,
Где боль сама – не прихоть и преграда,
А спутница бессонного труда.
Она не ведает, естественно, стыда,
Мешает наново творить воздел
Ночного мира, всей земной округи,
Где слышатся неведомые звуки,
Стирая память госпитальных дел,
В которых выжить, кажется, сумел.

ЗАПОЛОНИЛА БОЛЬ

Хирургам военных госпиталей

Палату медсанбата
Заполонила боль
Безногого солдата
Со стрижкой «под ноль».
А близко у порога
На стёршемся крыльце –
Хирург с глазами Бога
И кровью на лице.

В ГОСПИТАЛЬНОМ САДУ

Огромна, кудлата, игрива,
Похожа на гриву залива
Вдоль кромки полночных небес –
Гряда облаков.
Хмурый лес,
Величье, и силу, и тайну храня,
Вобрал всё тепло и величие дня...
А шорохи листьев – едва уловимы.
И ветер сквозь сети созвездия – мимо,
Едва только струны задел проводов,
Послышался шорох ночных облаков,
Похожих на пышную гриву залива.
А грива – огромна, кудлата, пытлива –
Являет луны каравай и созвездия соль,
Чтоб рана закрылась, утишилась боль.

НОЧЬ

Дождь прошумел.
Но долго ещё капли,
Скатившись с листьев,
устремлялись вниз.
Я слушал звон,
не понимая мерность
соударений капель и земли.
И хаос этого явления
тревожил, прогоняя сон.
Вдруг – перестук колёс на перегоне,
где поезд, не снижая скорость,
летит и, соблюдая мерность,
его колёса, пробегая стыки,
рождают звук, подобный
метроному.
Но поезд – скорый,
И полёт – недолог.
А капли с веток – реже, реже.
Я начинаю внутренний отсчёт –
отсчёт событий, дат,
потерь, находок –
надеясь сон приворожить.
Но снова – тишина.
И новый дождь – нескоро,
И поезд – далеко.
Песок – в глазах.
И – боль приходит.

ЖИЗНЬ – НАБЕЛО

А по ночам метель мела
И очи – за́стила:
А жизнь по-прежнему мила
С её участием.
И то, что было, – замело,
И – нет подробностей.
Терпенье выжить помогло –
Скажу по скромности.
Былая боль была живой,
Но, видно, надобной,
И стала дикою травой,
А не усадебной.
И то, что выжил и живу –
Порой – в диковину,
Мир созерцаю наяву,
Презрев оскомину.
Пусть песнь моя – не без греха,
В ней – много грустного,
Примета каждого стиха:
Все – духа русского.

ВЗРЫВ

А кто из недругов? Не ведаю:
В земной обители –
Случайно, вдруг меня,
как цель, увидели.
Взрывною силой
так ударило под дых, –
аж до сих пор захватывает
Дух...
Но эскулапы потрудились
хорошо,
И сам не струсил, видимо,
Ужо.
И с настоящим связи заново
связал,
И то, что высказать не мог, –
Сказал.
И никого за боль живую –
Не корю.
А вдохновение придёт, –
благодарю.

МАЛАЯ РОДИНА

Здесь бы выстроил жилище –
В стороне от людных трасс,
Где вода и воздух чище,
И полно лесных прикрас.
Здесь, разбросанные вольно,
Как всегда, во всей красе,
Повсеместно и не больно
Звёзды множатся в росе.
Неохватное пространство:
Где там запад, где восток?
Здесь с безгрешным постоянством
Речки плещется исток.
Здесь оно, моё начало,
Здесь позволено ужé
Устремляться вглубь – печали,
Возродиться вновь – душе.

РАКОВЫЙ ЭТАЖ

1

Скрытый облик беды.
Длится час вдохновенья.
Свет дрожащий звезды
Пробуждает сомненья.
Белый облак летит,
Белым лебедем мнится...
Верю – мне предстоит
В мир опять народиться.

2

Ни сочувствия, ни узнавания
Я не жду, эти строки сложив, –
Мне хватило вполне осознания:
После смерти остался я жив.
И, тревожный рассвет узнавая,
Напоённый закатным огнём,
Ближний мир целиком принимая,
Растворяюсь осмысленно в нём.

3

Побывав за последней чертой,
Я вернулся в свою оболочку,
Сбережённую той высотой,
Где таятся грядущие строчки.
Я вернулся в родную страну,
Пролетев неизвестные дали,
Чтобы новую встретить весну,
И припомнить начала печали.

4

Я одной озабочен юдолью
(И об этом не знает народ) –
Иногда закрывается болью
Неповинный ни в чём небосвод.
Хорошо помогает терпенье
Дождаться ухода беды,
А на помощь спешит провиденье,
На земле не оставив следы.

5

Я побывал за гранью бытия,
Где было необычно тихо.
Но вскоре Бог вернул меня
Сюда, где боль взыграла лихо.
Кошмар, сгустившийся с утра,
Приоткрывал окно в бессмертье...
За жизнь продолжилась игра
В палате за стерильной дверью.

6

Шум шоссе мешает быту
Госпитальных корпусов.
Всем ветрам они открыты,
Словно крылья парусов.
Верю – одолев болезни,
Выйду к солнцу на балкон,
Я считаю шум полезным –
Помогает выжить он.

СРОЧНАЯ ХИРУРГИЯ

Солнце новое восходит,
Даль – светлеет.
Боль сама себя находит,
Тихо матерееет.
Никакой побочной мысли
Здесь не возникает,
А рассвет сегодня пришлый –
Немощью пугает.
Но жива судьбы основа,
Силу сохраняет,
И судьбы живое слово
Выжить помогает.

НОЧНАЯ МГЛА

Учащённое дыхание. Повисла
Над городом мучительная мгла:
А жизнь моя не потеряла смысла,
Хотя казалось, что она прошла.
И сон пропал. Прореживая утро,
Уходит ночь туда, где боль была,
А мне рассвет нашёптывает мудро:
– Вновь жажда жизни ожила.

СТРОГАЯ СТРОКА

Ах, какое благо –
Новая строка,
Веселит, как брага,
Потому – строга.
Подчинился воле –
И строку согрел,
Среди новой боли
Боль преодолел.
А строка – покорна
Среди строк других,
Существо которой –
Музыка и стих.

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

Давай побродим молча
По млечному пути,
Но только этой ночью
О прошлом не шути.
Нехоженой дорогой
До утренней поры
Уйдём мы от порога
В межзвёздные миры.
Здесь вечное безмолвье,
Здесь вечные огни.
Ни грома нет, ни молний –
Призёмлены они.
Стрела кольнёт не больно
В созвездии Стрельца,
Пока идёшь свободно,
Не закрывай лица.
Вернувшись же к причалу,
Узнаем мы тогда,
Зачем труду молчанья
Учила нас звезда.
Стою у бездны на краю,
И время постепенно тает.
Я боль свою – благодарю:
Она в живых быть помогает.

ВРЕМЯ ПОЖАРА

Яркое виденье,
Вымысла игра –
Пламени владенье,
Жаркая пора.
Времени смещение
Властвует теперь,
Зреет ощущение
Будущих потерь.
Ветра дуновенье –
По углам, шурша,
Боль прикосновенья
Чувствует душа.
Если все движенья
Скованы огнём,
Призрак пораженья
Не сгорает в нём.

Я ДУМАТЬ О ТЕБЕ ПЕРЕСТАЮ

Вот отгрущу и всё переиначу,
И боль сомненья утаю.
Была любовь, но вот ведь незадача –
Я думать о тебе перестаю.
Стареет тихо домик на отшибе,
Я приходить к нему не устаю,
Внедрилась странная ошибка –
Я думать о тебе перестаю.
Минувшее оцениваю строже
И, стоя у печали на краю,
И, память о любви не потревожив,
Я думать о тебе перестаю.

СХВАТКА

Вновь молчаливо состраданье,
Хотя друзья твердят: – Изволь...
Как на любовное свиданье
Ко мне приходит ночью боль.
Уже привычно пробужденье,
Когда вокруг все люди спят.
Хотел почувствовать движенье,
Но деревья в саду стоят –
Все крепко скованы снегами...
Как хорошо бы в час земной
Отставить бденье над стихами,
И в сон зарыться с головой.
Призвать оставшуюся волю,
(О чём шептала мне звезда),
Так совладать с коварной болью,
Чтоб с ней расстаться навсегда.

МЫСЛЬ О БЫЛОМ

После страсти горячих ночей
И остуды осеннего утра
Утолил мою жажду ручей,
Меж камней пробегающий шустро.
И покой воцарился кругом,
Даже боль отступила умело,
Долгожданная мысль о былом
Укрепила уставшее тело.

БОЛЬ

1

Ещё не все земные выбрал сроки.
Мне предстоит немало потерпеть,
Чтоб все изжить свои пороки,
И в некий час пристойно умереть.
Но, вспоминая год и месяц дальний,
Когда и слухи были горячи,
Я видел с верхотуры госпитальной
Как надо мной склоняются врачи.
И, вопреки сомненьям и прогнозам,
Я выжил и потом, набравшись сил,
Не прибегая к таинствам гипноза,
Невредных дел немало сотворил.
Но время, время так неумолимо.
Придётся же когда-то постареть,
И, попросившись с женщиной любимой,
Спокойно и достойно умереть.
И вырастут земли живой сугробы,
Но я судьбу сумею обмануть –
Землицы брошу я на крышку гроба,
В котором завершил последний путь.

2

Разверзнется полость земная,
И корнем – корявой клюкой
Помашет, вовнутрь призывая,
Как будто бы леший – рукой.
Сомнением разум смущая,
Прольётся сама тишина,
О тайных запасах вещая,
Которыми правит она:
О праве такого покоя,
Какой и представить нельзя,
Имея лишь зренье земное,
Привычные к свету глаза.
Но смог я сомненья отринуть,
На жизнь не могу посягнуть,
Я Землю не в силах покинуть,
Пока длит Всевышний мой путь.

3

Согласно предсказанью
Гадалки – давним днём,
Не изменив сознанью,
Живу своим огнём.
Не поддаюсь сомнению –
А правильно ль живу?
Живу по разуменью,
Храню его канву.
Какой по счёту жизнью?
Наверное, – второй.
По первой справил тризну –
Она была игрой.
Пройдя все испытанья –
И болью, и враждой,
Я заслужил признание
Работою простой.
И, попросив прощенья
За прошлые грехи,
Готовлюсь к воскрешенью –
Пишу свои стихи.
Я приобрёл уменье,
Той жизнью заплатив, –
Преодолею сомненье –
Останусь завтра жив.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВНУК

Илюше

Я выберу ни лето, ни весну,
А день поры морозной,
Поднявший жаркую волну
В моей душе острожной.
И мрачных мыслей череда
Исчезнет с болью прежней,
И не останется следа
В туманной дымке снежной.
И дней сокрытых имена
Возникнут без изъятий,
Исчезнет прошлого стена –
Из кирпичей-проклятий.
И зов таинственный вдали
Легко родит природа,
И он поднимется с земли
Под полог небосвода.
И я услышу этот звук,
Продляя жизнь – без меры,
Не помня горечи разлук,
Храня любовь и веру.
Теперь-то зная наперёд,
Что яркий свет продлится,
И будет долго длить полёт,
Гнездо покинув, птица.

ДЕРЕВНЯ ЧЕКАЛКИ*

Памяти вятской родни

Очнулся, разбуженный болью.
А ночь в середине зимы
Богата бесснежной юдолью –
Где стелятся низко дымы
Повсюду, где топят дровами,
Тепло сохраняя домов,
Где потчуют всех пирогами,
Придя после дойки коров.
Привычна мне эта картина,
Усталость не помнит числа,
Её одолеем, вестимо,
Но только бы жизнь не ушла.
И с болью мы справимся тоже,
Вновь чай приготовив из трав.
– Хворать – это юным негоже,
Здесь скажут, тебя повстречав.
Работа теперь, как подруга, –
Не любит пустого числа,
А знанье об этом – наука,
Что в дар эту жизнь принесла.

---

* Вятская губерния, родина родителей

ВО ИМЯ ДЕТЕЙ

Пока живу, и чувствую, и слышу,
Как дышит лес, откуда птичий свист
Летит стремглав и задевает крышу,
Где возлежит кленовый лист.
А боль – сладка, и новое томленье
Самой души пронзает естество –
Неведомое прошлому смиренье
Дарует обретённое родство.
Я прогоняю этот зов гордыни
При власти жёсткой жития –
Мысль сохраненья дочери и сына
Не покидает никогда меня.

НОЧНОЕ ЗНАНИЕ

О, если бы не отнимало силы
Ночное знание о грядущем дне,
Не так бы я встречал Светило –
Я грел бы душу на его огне.
Иначе бы внимал я трелям птичьим,
Поддался б утренним ветрам,
Сомнению не подвергал величье,
Присущее всем людям, как богам.

ДУХ

Усталость накопилась,
И час продлён ночной,
Чтоб утро объявилось
Живой золой печной.
И этот тёплый пепел –
Осадок от труда,
Где ветра спрятан лепет
И поздняя звезда.
Где вместе проявились
И боль сама, и грусть.
И в строчках разместились,
Чтоб помнить наизусть,
Чтоб мысль: ещё – не старость!
Ласкала взор и слух,
Чтоб утро продолжалось
И укреплялся дух.

ВИТЕНЁВО*

Возвратился из тайны столетья,
Напоил осторожно коня.
Я его не охаживал плетью –
Боль давно воспитала меня.
У костра, подставляя ладони,
Грею душу – смотрю на огонь,
Вспоминаю минуты погони –
Где себя обгоняет мой конь...
Чтобы стоны неслышными были,
Прогоняю осознанно сон.
А уголья костра не остыли –
Лёгкий дым устремляется вон.
Хвои запах, и дым нележалый,
И тепло от прогретой земли
Не мешают увидеть Стожары
Там, где прежде их видеть могли.
Всё я помню, и вижу, и знаю –
Длится жизни моей кутерьма,
А созвездий картина сквозная
Примелькалась – не сводит с ума.

---

* Пристань на канале имени Москвы

В МЕТЕЛЬ

О Боже, как шумно,
как шустро они налетели –
Январской породы,
немереной силы – метели.
И чёрные ночи
разбавили белою краской,
И небо закрыли,
где звёзды мерцали опасно
Тревожное слово
в бессонную душу вложили,
Где строки покоя
друг с другом дружили,
Но, видно, нельзя
с этим миром жить в мире,
Как в очень большой
коммунальной квартире.
И лишь остаётся
набраться большого терпенья,
И ждать, и любить,
и терпеть, как большие деревья.

МЕДКЛИНИКА

Поминутно, час за часом
Убывают жизни дни,
Хорошо бы не напрасно
В бездну падали они.
Становясь с годами старше,
И, возможно, чуть мудрей,
На своём житейском марше
Ожидаю праздник дней.
Наполняю мыслью будни,
Уменьшаю время сна,
Ожидаю, что пребудет
Просвещённая весна.
Но порой весной приходит
И серьёзная беда –
Боль бунтует от восхода
До закатного следа...
А теперь мечтою правлю,
Сердца помня перепляс...
И за здоровье свечи ставлю,
Ожидаю Хлебный Спас.

ВДОХНОВЕНЬЕ

Перетерпелась боль,
Но привнесла усталость
Немедля за собой,
И так со мной осталась.
А как же уберечь
И сохранить живую
Рассветную порою
Приснившуюся речь?

ЖЕЛАНЬЕ ПЕРЕМЕН

И где-то Здесь, и в незнакомом Там,
И близко, рядышком, и где-то вдалеке
Приходит время – расцветать садам,
Воде – теплеть в непознанной реке.
Закату – становиться бледно-розовым,
И длиться, длиться – без начала и конца.
А листьям – и кленовым, и берёзовым –
Шуметь. А мне – не укрывать лица,
Смотреть в глаза живой небесной россыпи –
На яркое скопление звёздных тел,
И, наконец, дойти до дальней росстани,
Куда попасть я с давних пор хотел.
Чтоб ощутить в душе своей смятение –
Какую ж выбрать из больших дорог,
Чтоб испытать волшебное умение,
Которым в прежней жизни пренебрёг.
Вновь ощутить тоску по малой родине,
И, с каждым шагом удаляясь от неё,
Все звуки и цвета её природные
С собою взять, в иное житиё.

ПОЭТ

А другую судьбу и не требуй –
Невозможно её обрести
С дозволенья высокого неба
На отмеренном небом пути.
Помолчи, не печалься, не сетуй
На итог этой жизни, изволь
Подчиниться глухому рассвету,
Победившему страхи и боль.
И сегодня без крика и стога
Оцени ежедневный свой труд
И поймёшь, наконец, что ты стоишь
Перед лихом прощальных минут.
Может, так, а, возможно, иначе
Осознаешь, коль память – строга, –
Если жив, то всегда ждёт удача –
Вдохновенно-живая строка.

ТАЙНА НОЧИ

Ночь – мучительница-дева.
Мы с тобой – опять наедине.
Что с тобой смогу поделать,
Если не даёшь покоя мне?
Если вновь пленительны и тонки
Очертанья нежные твои,
Звуки – удивительной настройки, –
На вселенский ток любви,
На необходимость строить строки
Под грядой летящих облаков,
Улетающих на север строго
Под приглядом утренних богов.
На потребность яркого накала –
Чудо сотворять из ничего,
Начиная каждый раз сначала,
Призывая боль и мастерство...
Ночь – красавица и лгунья,
Счастья – нет, как обещала ты.
Нет любви. Но где-то есть певунья –
Потаённой, нежной красоты...
Тайна – есть,
Пленительна и вечна.
Вот она и заставляет вновь
Ждать тебя и пылко, и беспечно,
И дарить последнюю любовь.

ПРИПАСЫ

Не смету все преграды –
Чью-то боль отведу.
Мне немного надо –
Я живу на лету.
Мне бы чистого неба
С негасимой звездой,
Да горбушечку хлеба –
Основною едой.
Да запить, если хотца –
Из бадейки худой
Той водой из колодца,
Ключевою водой.
Да хорошего слова,
Если встречу, – от вас.
Если нет, значит, снова
Из того, что припас.

ФЕВРАЛЬ НА ИСХОДЕ

Февраль – на исходе. Метели пропали.
Вернуться назад они смогут едва ли.
Но дело своё они сделать успели,
Коварные, злые, ночные метели.
Как будто рассеяли россыпи соли
На крыши домов, на уснувшее поле.
Все силы, которые в небе скопили,
Легко одолев океанские мили, –
Смешали с ветрами, что с севера дули.
А люди не знали и мирно уснули,
Не зная, – спокойные кончились были,
Куда-то в минувшее тихо уплыли,
На буйные ночи себя обменяли,
И боль, и тревогу мою не уняли.

НЕ СБИТЬСЯ С ПУТИ

Хорошо бы звук набатный
(при пожарах он – родня)
Не смутил покой закатный
и не сбил с пути коня.
Хорошо бы голос зычный
не нарушил сон полей,
Насаждая страх привычный
в час нашествия страстей.
Хорошо б звучал почаще
колокольца нежный звук,
Пробуждая поле, чащу,
умягчая боль разлук.
Потому как в мире светлом
жизнь моя спешит к концу.
В пониманье жёстком этом
быть жестоким – не к лицу.

КРЫМ

Я припомнил южный берег
Той счастливой стороны,
Где шагами путь измерен
От обиды – до войны,
От любви и до – презренья,
От прощенья (через боль) –
До внезапного прозренья,
Что пришло само собой.

ДЕНЬ, КАК НАГРАДА

Где ты есть, заплутавшая выюга?
Нынче слякоть – основа пейзажа.
Всё живое сокрыла округа,
Только ворон на ветке, как стража.
Обеднела палитра природы,
Но душа даже бедности рада:
Этой жизни продлятся годы,
Всякий день для меня – как награда.

СЕРДЦЕ

На перевале поздних лет,
Когда слышна усталость,
Трудней всего найти ответ:
А сколько дней осталось?
Не нужно сроки отмерять,
А жить – по полной мере,
И только сердцем примирять
Свои удачи и потери.

СЛОВО-ПАМЯТЬ

И сегодня быть не может
Возвращения былого,
Оттого что сердце гложет
Грубо брошенное слово.
Слово-ветер, слово-камень? –
Ни ответа, ни привета.
Возродится слово-память, –
Обновится лик рассвета.

СОЛНЦЕ

Вот и солнце взошло,
И привычно сумело –
Посылая тепло,
Всё живое согрело.
Вот она – благодать:
И открыто, и смело
Жизнь свою отдавать
На достойное дело.

ПОДАРОК

Прилетевший ветер с юга –
Вестник будущего лета –
Согревает всю округу,
Подгоняет волны света.
К прожитым годам в придачу
Поживу я срок посильный –
Ветер искренней удачи
Строки дарит мне в России.

БОЛЬ – НЕ БОЛЬ

Боль – не боль,
А так, – томленье
Истрадавшейся души –
Время шить стихотворенье
В чистом логове глуши.
И, призвав на помощь память,
Укрепить не торопясь
С неизвестными стихами
Новоявленную связь.
И по-новому заметить:
Свет сомнения отторг –
На израненном рассвете
Подарил земной восторг.

ОТТИСК СУДЬБЫ

Берег. Ветер. У причала –
Утренняя стынь.
В сотый раз начну сначала –
Погрызу полынь.
И смешаю с каплей крови
Треснувшей губы,
Чтоб явился точным в слове
Смысл моей судьбы.

ПАМЯТЬ ПОЭТА

Поэту Эдуарду Балашову

То, что утром мне приснилось,
Может быть, забуду к ночи.
Это царственная милость –
Забывать о лишнем прочем.
Память – штука не простая,
С ней порою плохи шутки.
Так, стихи свои верстая,
Вспоминаешь... прибаутки.
Вспоминать же лучше друга.
Он живой поэт, хороший:
Чуть задело его вьюгой –
Прихорошило порошей.
Ну а мне осталось лично,
Наклоняясь над тетрадкой,
Делать дело – не привычно
Слёзы смахивать украдкой.

МЫ – ПАМЯТЬ

Напряженье натруженных будней
Проникает в само бытие.
Жизнь тяжёлою долго пребудет, –
Мы ж – безгрешные дети её.
Каждый шаг наш опасен и труден,
Но сознание своё бережём.
Эту жизнь никогда не забудем,
Потому что мы – память её.

НАКАНУНЕ ХИРУРГИИ

Эта ночь позабудет себя
В бесконечном потоке ночей –
Слишком прост её дождь,
И неярки огни, и
Бесхитростен
Ветер.
Эта долгая ночь
Не оставит следа
В календарном
Потоке событий:
Нет событий и – памяти нет.
Только мерность минут,
Только странный покой,
Нисходящий с небес,
Согревает мне душу.
Длится вечная ночь,
Дождь идёт – бесконечный и тихий.
И не знает никто,
Что на завтра
Намечено утро
С приметами острой тревоги.
Сон – витает.
Но близок рассвет,
Загорается зарево боли.

ПАМЯТЬ СЧАСТЬЯ

Праздничным небом ночным
Дышит пространство тревожно.
Здесь над равниною дым
Молча плывёт, осторожно.
Тихим движеньем своим
Он заполняет пространство,
Там, где стоит – недвижим –
Храм, сохраняя убранство.
Дальше – берёз хоровод
Празднует лета начало,
Бродит по холоду вод
Рядом с помостом причала.
В этом явленье ночном
Вновь принимаю участие,
Молча грущу об одном –
Где-то утерянном счастье.

ИДУ ОГНЁМ

*...Когда ж постранствуешь,
воротиться домой,
И дым Отечества нам
сладок и приятен!*

А.С. Грибоедов «Горе от ума»

Иду огнём, но не горит трава,
И лес хранит запас величья.
Природа музыки жива,
Пока жива порода птичья.
Живу с огнём, пока душа жива,
(Сгорает дней моих остаток),
И жизнь по-прежнему права,
И дым Отечества мне сладок...

ВО ИМЯ

Я столько раз от страха умирал
Отца во имя и во имя Сына.
Казалось, в страхе силы исчерпал,
И всё-таки хватало силы
На то, чтоб снова возродить
Утратой скомканную речь,
И волю – волей укрепить,
И память – памятью сберечь.

БРЕННАЯ ДОЛЯ

Вот и тема мороза – не модна.
Ветер веет теплей и теплей,
Только память отныне пригодна
Для возврата былых февралей.
Но люблю эту строгую пору,
Если скована льдами река,
Разрешаются вечные споры –
Кто щедрее оденет стога:
День сегодняшний, или грядущий? –
Как попону, набросив снега...
Ближний стог, он же лидер бегущий,
Виртуально стремится в бега.
Я люблю вид заснеженный поля,
Хоть и свет отражённый слепит,
И нельзя насмотреться без боли
На снега, или прямо в зенит.
Я люблю свою брENNую долю,
И раздолье её берегов,
И живу этой мыслью простою,
Просто сбросив оковы веков.

ВРЕМЯ ПОКОЯ

Жаркой дрёмою наполнен окоём,
Час настал полдневного покоя.
Мы опять с природою – вдвоём:
Я – раздумьем, а она – рекою,
Вереницей лёгких облаков,
Рощицей с весёлою листвою...
Поживу ещё, и – был таков,
А останусь в памяти – строкою.

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

Живу, пока жива ты, память.
С судьбой сверяясь верстовой,
Иду твоей щербатой мостовой,
Где мне известен каждый камень.
Живу, пока я слышу эхо,
И жаркий шёпот различить могу...
Пока слезами или смехом
Не затуманилась в моём мозгу.

ПРИЗНАНЬЕ

А на жизнь надо времени много.
Вдруг не хватит? У неба займу.
Мне дарована Богом дорога,
Вот и верю ему самому.
Дни проходят по схеме расчётной,
И свой лик сохраняет земля...
Это будет, конечно, почётно,
Если время признает меня.

ВЕЧЕР ПОКОЯ

Этот вечер продлился покоем.
Ветра нет. И молчат деревá
Утомлённая поздней строкою,
Не колышется клёна листва.
Но ветрами распахано небо,
Где качается месяц ничей,
И живёт – всем живым на потребу –
Просветлённый землёю ручей.

СЛУЖБА

Память – штука не простая,
Не уходит без следа.
Календарь назад листая,
Возвращаюсь в те года.
Мысли искреннего толка
Фронтовая шлёт весна –
Свист летящего осколка
Разрывает тело сна.

УШЛА ЗАРЯ

Однополчанам

Как быстро время пролетело,
Оно потрачено не зря...
Как быстро небо потемнело,
Ушла короткая заря.
Мои попутчики – всё дальше.
В одном мне точно повезло:
Бойцы не струсил на марше,
И памяти от них – тепло.

О ВОЙНЕ

Прожитого снится повесть –
Бесконечно длится ночь,
Пассажирский мчится поезд
И меня уносит прочь
Мимо станций, полустанков,
Сквозь поля и мрачный лес,
Пропустив составы танков,
И другой полезный вес.
Вспоминаю боль разрухи –
Ясной память предстаёт
Там где дети и старухи,
И былой иной народ.
А грядущие угрозы
Различить никак нельзя:
Едкий дым от паровоза
Застилает мне глаза.

ПАМЯТЬ

Запомнил прохладный покой
На море в минуты рассвета,
И понял – по жизни такой
Известная песенка спета.
Тревожное время прошло,
В котором я жил, не лукавил.
Мне душу оно обожгло,
А я его в сердце оставил.

СЛЕПАЯ ТЕНЬ

Избыть разлуки зимний стон
Полночных не хватает сил –
Мне силы убавляет сон:
Он снова в память возвратил
Привал на огненном ветру
В тот бесконечный день,
Когда вела свою игру
Моей любви слепая тень.

КРАЙНИЙ СЕВЕР

С неба птица упала, как камень.
Заплутали в снегах дерева.
Глухоманью воспитана память –
Первозданные помню слова.
Этот край – и весёлый, и жуткий,
Бесконечен суровый простор,
Из побасенок острые шутки
Проникают в живой разговор.
В снежный наст зарывается солнце,
Южный ветер готовит набег...
На стекле мы продышим оконце
И устраивать будем ночлег.
Раскалится чугунная печка,
И твои загорятся глаза,
Поглотившие блики от свечки,
Согревавшей в ночи образа.

ПЛАМЕНЬ СНЕГОВОЙ

В поздний вечер февраля
Тень простёрлась фонаря
Там, где снег скрывает лёд,
Где замыслила полёт
Чудо-птица серой масти
С ярко-красной головой,
Оживить спешит пространство
И полётом, и собой...
Там, где пламень снеговой
Норовит украсть следы
Птицы, памяти, звезды.

КОМУ НУЖНА ЗАРЯ

Тихо-тихо, нежно-нежно
Обращался вечер в ночь.
Я искал слова прилежно,
Чтобы этому помочь.
И – заката меркли краски,
Зажигались свечи звёзд,
Чтобы путь стал безопасным
Среди елей и берёз.
Чтобы выстроились стройно
Строки, бросившие тьму,
Ведь они теперь спокойны –
Мне покорны одному.
Удивительные вести:
Ночь живёт, себя даря
Тем, кто чутко слышит песни,
И кому нужна заря...

ПОСОХ ПАМЯТИ

Благодаренье посоху
Промозглою зимой:
С ним по воде, как по́суху
Спешил к себе домой.
Шёл по воде разглаженной –
Ни мёртвый, ни живой.
А птицы стайей слаженной
Вились над головой.
В дверь постучал упроченной
Клюкою неземной,
Но окна – заколочены,
И дом теперь – не мой.
Вокруг селенья прежние –
И свет, и темнота...
Слова забыты вешние,
И в сердце – немота.

НИСПОСЛАННЫЙ СВЕТ

1

Свет звезды нескончаемо тонок,
Пронизает безмолвную высь.
На земле с еле слышимым стоном,
Нарождается новая мысль.
Ей немедленный отклик не нужен
И не нужен земной ей совет,
Если с небом сознание дружит,
Принимая ниспосланный свет.

2

Одержим ветер мыслью простою –
Разгулялся, шумят деревья,
Забавляется юной листвою,
Её шелест вживляет в слова.
И становится сердцу понятней,
Почему свет небесной игры,
Соскользнувший с палитры закатной,
Золотится в прогалинах мглы.

ЗАМИРАЕТ ПРИРОДА

И послышался шум неизвестный –
Посторонний, неведомый шум.
Может быть, это новая песня? –
Она первой приходит на ум.
Нет, не песня, – гармонии нету,
Вместо слов только шорох один –
Не всегда всё подвластно поэту,
Если сердцу – тревожно в груди.
Ну, а если не песня, то что же
Прилетает в окошко извне?
Я внимательно слушаю, строже –
Слышен марш на армейской волне.
И не спит в ожиданье дорога,
Звук пропал, неизвестный судьбе,
И живёт тишина, –
голос Бога
Я пытаюсь услышать в себе.

ПРОНИКНОВЕНИЕ ДОБРА

От января – до февраля –
Короткий срок.
В холодном свете фонаря
Ученье – впрок.
А ночь раскинула крыла,
Сгущает мрак,
Метель сугробы намела
Не просто так:
Реки укрыла берега
И скрыла лёд,
И не закончились снега
И длят полёт.
И загорается свеча,
Бросая блик,
И тёплый свет её луча
Во мрак проник...
Проникновение добра
Во глубь глуши –
И есть заглавная игра
Моей души.

ВРЕМЯ ТАЕТ

Вышел рано – Солнце ясно,
Светит справно, Не опасно.
Мысли – кротки и живучи,
Роем строчки, все – певучи.
Память ночи улетает...
Между строчек время тает.
Боли нету не напрасно,
«Слава Богу!» – всё прекрасно.

ПРИБЫТОК СИЛ

В час осенний, час урочный
Южный ветер полуночный
Гонит лунную волну
На печальную страну –
На песчаный берег дикий,
Где неизвестные лики
Узнавали путь земной
От одной скалы к другой,
Зримо скованных дугой,
Не начертанной рукой,
А заселенной кустами
И замеченных тропой.
Там размашисто листают
Волны искренний прибой.
В этом ритме набеганий
В час осенний, в час свиданий
Неземной прибиток сил
Свет и мир соединил.

КОСЬБА

Памяти отца

Два больших генерала с утра,
Дружно косят густую траву,
А вокруг собралась детвора –
Диво дивное зрит наяву.
Свои косы умело отбив,
На газетку сложив кителя,
Генералы – в траву, как в прилив,
Любознательный люд веселя.
А старик дядя Коля – хромой
(После Курской дуги – без ноги),
Не пошёл, как обычно, домой,
Костылём отмеряя шаги,
Ему люб генеральский запал
(Память юности – вечно живёт):
– А в России народ не пропал,
Потому что – бессмертный народ.

КОНТАКТ С НЕБОМ

Позабудем в ночи все былые сомненья,
Будем жить, ожидая грядущий рассвет,
Сохраняя привычно чудные уменья –
Находить на загадки природы ответ,
Не страшась ни любви, ни угроз, ни измены –
Будем жить, как не жили ещё отродясь...
В нашей жизни случатся ещё перемены –
С небесами уже не нарушится связь.

НОЧЬ

Есть тайна дня, но есть и тайна ночи,
когда легко поблекли небеса,
а облака, границу света перейдя,
свои тела сомнением упрочат,
я буду вслушиваться в птичьи голоса.
И снизойдёт покой, неведомо откуда,
и дня припомнится краса,
её всевластье, – не причуда.

ЖИВАЯ НИТЬ

Пусть часы отсчитывают строго
Дни, что обретаю наяву.
И пока я подвожу итоги,
Ночь – жива, и я ещё живу.
Это благо, выданное небом,
Вроде бы использую вполне.
И куда б ни шёл, и где бы не был,
Мысль храню, живущую во мне.
Дело правлю, заданное мыслью
(Глубже мысль – короче нить),
И пока она – не смята высью,
Ночь – живёт.
И дню придётся жить.

ДРУГИЕ ВРЕМЕНА

Босиком по берегу,
Не признав вины,
Я иду уверенно
В шаге от волны...
Хороши закаты,
Если нет войны,
И невиноватый
Не признал вины.

В ГОРАХ

Петру Чекалову

Высоких облаков беспечная гряда
Полна рассветным цветом нежным.
Она растает скоро без следа,
И станут небеса опять безбрежны.
И вечным светом солнечных лучей
Окрасятся безмолвные вершины.
В долине воздух станет горячей,
И влагою наполнятся кувшины,
И девушек хрустальный хоровод
Пройдёт по краю узкому террасы.
А путник, испытав прохладу вод,
Поверит снова: жизнь – прекрасна!

ПО ПРИМЕРУ АТЛАНТОВ

Начиналось тихо утро,
Обещало ясный день,
И мою терпело мудро
Целомудренную лень.
А невольная свобода
Мне досталась для того,
Чтобы купол небосвода
На плечах держать легко.

РОДСТВО

Солнце – выше и выше.
И лучи – горячей.
Раскаляются крыши,
Но прохладен ручей
Родникового рода
Той, лесной красоты,
Где являет природа
Эталон чистоты.
Если мыслю и стражду,
Сотворяя строку, –
Утоляю вновь жажду
Не спеша, по глотку,
Чтоб не зная сомненья,
Породниться могли
Наши сердцебиенья –
Моё, и – земли.

СОН НА ЗАКАТЕ

Мой сон слегка поторопил закат,
И я в него проник до срока,
И вот иду спокойно наугад,
Припомнив навыки урока.
Иду, иду, не зная неудобств
(а боли нет – не тяжела дорога),
И ветер нынче непривычно добр,
За мной спешит от старого порога...
Ежевечерние блуждания во сне
Мне дарят дополнительные силы.
И осознание того, что я – в России
Продляет жизнь неволью на земле.
Иду, иду как прежде, наугад,
Окрестности оглядывая строго,
И жду момент, когда немой закат
Нашепчет мне неведомые строки.

ВЕЧНОЕ ВРЕМЯ

Не веду прожитому отсчёт –
Вдохновения длится страда.
Моё время бесшумно течёт,
Неизвестно – зачем и куда.
То, что прожил, я прожил не зря,
И – заката светла полоса.
И созвездья привычно горят,
И на листьях сверкает роса.
Не могу сосчитать, сколько звёзд
Приютила на листьях вода...
Только вечное время течёт,
Точно зная – зачем и куда.

ПЕРЕД УХОДОМ

Упали низко небеса –
На лес и крыши,
Слышны не только голоса,
И шёпот слышен.
И, отражённые рекой,
Под низким сводом
Слова любви несут покой –
перед уходом.

СМЯТЕНЬЕ

Я помню чудное мгновенье...

А. Пушкин

Мгновения летят неумоимо,
Не уменьшая вечности запас...
Порою наступает зримо
Раздумий светлый час, –
В эпоху позднего заката,
Где дня скрываются следы,
А облаков полёт крылатый
Ждёт появления звезды...
А это – чудное явление,
Когда струится звёздный свет,
Дарующий душе смятенье
И вдохновения совет.

ТАЮЩЕЕ НЕБО

Затихает гомон птичий
В праздничном лесу,
Подступает сон практичный
С мыслью на весу.
Ах, теперь очнуться мне бы,
Записать ту мысль в тетрадь,
Чтобы тающее небо
Смог я утром воссоздать.

ГОРИТ, КАК ПОЛОЖЕНО

Продолжение имени –
наши сны и дела,
При наличии стремени
И, конечно, седла.
Если лошадь ухожена,
И подковы звенят,
И горит, как положено –
Вдохновенно – закат.
И ещё не прорежена
Крона крепких ветвей,
А душа – расположена
К прилёту вестей.

ПОМОЩЬ

Пуškai помогут небеса
Своей прозрачной негой
Творить земные чудеса
На небе поздним снегом.
И силу наберёт весна,
Известно – честь по чести,
Пробьётся первая листва,
Тепла почуяв вести.

ПОКОЙ

По-летнему вечер прозрачен и тёпл.
Морщины разгладив, поверхность пруда
Легко отразила берёзы и тополь –
Почти не затратив на это труда.
Казалось бы, время покоя настало –
Земля позабыла повадки ветров,
Закатное солнце неслышно пропало,
Как раньше бывало – в течение веков.
Конечно же, это и прежде бывало,
Затишье в округе случалось уже...
И всё же молчанья сердечного – мало,
Так нужен покой воспарившей душе.

НАД ПРОПАСТЬЮ

Стою над пропастью, и – замирает дух.
Иду по кромке – закаляю волю.
И вижу: там, внизу, стоит пастух,
А стадо вольно разбрелось по полю.
Отсюда хорошо видна река –
Впитали воды олово заката.
Плывут окраски той же облака
По воле ветра – влажного – куда-то.
О, Боже мой, как дышится легко!
А на душе и тихо, и тревожно:
Отсюда до небес – недалеко,
И возвращение ещё возможно.

ЗВЕЗДОПАД

Родился новый лик заката.
Таит он строгий взгляд беды –
Всегда внезапный и крылатый
Полёт хмельной звезды.
В нём нет надежды на спасенье –
Но он прекрасен, звёздный след...
Неуловимое мгновенье,
И на него влиянья – нет.

ВОСХОДЯТ ТОКИ

А над полем зноя –
Душный звон цикад.
Облако резное
Держит путь в закат.
И летит, не тая,
В нежный окоём
Птиц живая стая,
Исчезая в нём.
И восходят токи
В небо от земли,
Где мои истоки
Тайно пролегли.
И порой нескорой –
Жизнь-то – хороша? –
Этой же дорогой
Пролетит душа.

ВЕРШИНЫ, КАК СВЕЧИ

Те дома в отдаленье –
Немая помеха для взора,
Застят мне ежедневно закат
В час, когда мир прощается с солнцем.
Освещённые им облака,
Всё летят и летят в никуда.
Перед теми домами клочок есть земли.
Хорошо, что живут здесь берёзы и сосны,
Вечерами недолго, но всё же горят...
Освящённые светом закатным
Вершины, как свечи
В момент торжества –
Рождества ли, Крещенья,
Или в праздник другой...
Хорошо бы всегда
Простирался простор –
Без помех, и замет, и заминок.
И всегда между мной и закатом –
Только б ветер гулял,
Лился свет,
Не кончалось бездонное небо.

ДОЖДЬ ПЕРЕД ЗАКАТОМ

Чёрный парус исполнен дождя.
Появившись с нахальством невежды,
По дорогам земным уходя,
Снял с небес грозовые одежды.
И пока не зажглись фонари
В этом мире – и новом, и старом –
Дождь дорогу открыл для зари –
Всем её бескорыстным пожарам.

РАССВЕТ

Забрезжил робкий свет,
И умягчилась мгла.
И пролетевших лет
Вновь память ожила.
Её тревожный след
Позволил в тишине
Спокойно ждать рассвет,
Пробившийся вчерне.
Привычка многих лет –
Следить, как тает мгла
И власть берёт рассвет,
Чтоб снова жизнь была.

ТИХАЯ ЗАВОДЬ

Ночь наведалься в тихую заводь,
Лес сомкнулся, и стало темней –
Там заката короткая память
Затерялась в утробе теней.
И в такие минуты затишья
Обращаюсь я полностью в слух,
Понимаю – колония птичья
Будет чистить и клювы, и пух.
И в такие минуты восторга
Сумрак чувств изгоняю спеша,
Чтобы праздник ночной не отторгла
Воспарившая к небу душа.
Пусть забудется ей на мгновенья
Проза суетных дел жития,
Чтоб исчезли пустые сомненья,
Чтобы жизнь продолжалась моя.

ЗАКАТ

Похоже закатное солнце
На чашу с янтарным вином.
Оно в тишине разольётся,
Окрасит хмельно́ окоём.
И запах дурманящий ночи,
И воздуха приторный вкус
Очнутся полней и короче –
Раздвинут границы искусств.

НАЧАЛО ВЕСНЫ

Рассвет, окрасивший полнеба,
Мир удивил холодной красотой,
Преобразил поля без снега,
Богатые недолгой нищетой.
Движение продолжила весна
Согласно календарной круговерти,
Припомнив наставленья сна –
Недолгой фазы смерти.

ЧТО МНЕ НОЧЬ МОЛОДАЯ СУЛИТ...

Что мне ночь молодая сулит,
Если жизнь небесами продолжена,
А костёр благодатный горит,
Из сухого валежника сложенный?
Я не знаю ответа пока,
Время есть, и желанья продуманы,
Безмятежно плывут облака
Караваном и – редко – уступами.
И, похоже, что мысль глубока,
Не сгорает в метаниях пламени.
И спешит под горою река
Помогает взрослению памяти.

РАССВЕТ НА ОЗЕРЕ

1

Облаков живых сугробы
Высветил рассвет.
Он сюда приходит, чтобы
Свой открыть секрет:
Он исполнен благодества,
Он один – для всех.
Он один исполнен свойства –
Обещать успех.
Словно праздничное блюдо,
Ждёт его народ,
И приветствует, как чудо
Солнечный восход!

2

Округа испытана грозами,
И опытом прошлых снегов...
Здесь сковано зеркало озера
Овалом крутых берегов.
Живёт оно жизнью спокойною –
Приемлет границы оков,
Сосны отражение хвойное,
И холод своих родников.
Следит, как изменчивым образом
Плывёт отраженье небес
С большим или маленьким облаком,
Порою бывает, и – без.
Природа общается шёпотом
Поэтому, видно, – не зря
Сюда прихожу я за опытом,
Едва подоспелет заря.

БЫТЬ ЖИВЫМ

Наконец-то забрезжило утро,
Понемногу рассеялась мгла.
Первый луч, появившийся мудро,
Отразили легко зеркала
Чёрных окон высотного дома.
Долго дремлют его этажи –
На рассвете приятна истома...
Только птицы творят виражи.
Только я – поседевший бездельник,
Отрешённый от таинства сна,
Раньше всех узнаю понедельник –
Мне такая возможность дана.
Мне дано драгоценное право –
Быть живым и беречь каждый час,
Не заботясь о прихотях славы,
Размышлений транжиря запас.

КРИК

Не грусти, не тревожься, не сетуй
И не думай о прожитом дне,
Чтоб лицом повернувшись к рассвету,
Раствориться в рассветном огне,
Чтобы только не чувствовать боле
Беззащитность бескрайних полей,
Чтоб душа не сомлела от боли,
Скрытой в крике родном журавлей.

ПТИЧИЙ РАССВЕТ

Вот и кончились тихие ночи.
И теперь, когда сон стерегу,
Среди звуков и отзвуков прочих
Слышу птиц на своём берегу.
И, внимая всем шорохам лета,
Тихим песням пернатой души,
Дожидаюсь прихода рассвета,
Возрожденья безлюдной тиши.
И, во всём принимая участие,
Я спасительной мыслью согрет:
На Земле ещё может быть счастье,
Если птицы приносят рассвет.

ВЕРНУТЬ ДОВЕРЬЕ

Тревожна
ночь,
А утро – далеко.
Бессонница – без запаха и цвета.
И облаков густое молоко
Не заменяет лик рассвета.
И каждый час
Часов я слышу бой,
В его безудержной напасти
Я чую времени разбой, –
Он душу рвёт на части,
И нет спасенья от него.
Похоже, что не удержиимо
Спешит нашествие снегов.
Они – не пролетают мимо,
А покрывают землю и дома,
Необлетевшие деревья...
И можно, наконец, сойти с ума –
К любви вернуть доверье.

НАД ЖИЗНЬЮ

И вот теперь, на склоне лет
Взгляд устремляется назад,
И вспоминается рассвет,
Где пробудился летний сад
При выпаденье белых рос,
Родивших мысль саму.
И сам собой возник вопрос –
Единственный – а почему?
А почему я здесь стою?
Сад шелестит, я узнаю слова,
Которые родились на краю
Той бездны, и куда едва
Я не шагнул, и только лёд
Дыханья удержал меня,
В безмолвье отдалил полёт,
Которое кричит, маня.

ТЕНЬ ЗВУЧАНИЯ

Я пониманья не прошу,
Но – чуточку вниманья,
Пока слова произношу
Короткого признанья.
Я ночь за таинство люблю,
За смутные виденья,
И знаки скрытные ловлю
Ночного провиденья.
Готовя будущий рассвет,
Я слышу тень звучанья.
С ней небеса уводят свет
В хранилище молчанья.
И вызволяют весь покой,
Сокрытый тем движеньем,
И затихают над строкой
С её воображеньем.

СЛОВО

Небеса, подкрашенные светом,
Солнечной фантазией лучей...
«Помолчи, не жалуйся, не сетуй» –
Слышу, – мне советует ручей.
Я слежу за шалостями лета
И внимаю звукам. При ходьбе
Впитываю запахи рассвета
И на волю отдаюсь судьбе.
Привыкаю трудно, понемногу
Долгое молчание хранить,
Чтоб услышать сердцем слово Бога,
Словом тем – о Нём – заговорить.

СУДЬБА

Приучен с детства к созерцанию,
С заёмной болью – обручён.
И быть готовым к состраданию
Самой природой обречён.
И грешную судьбу приемлю –
Пути другого не было и – нет,
И не мешаю слать на землю
Рассвету – чистый свет.

РАССВЕТ

Я – сподвижник туманных минут
Ожидания нового ўтра,
Замечаю, что утренний труд
Проясняет сознание мудро.
Верю – скоро откроется мне
Перемен зарева страница:
В поднебесном родится огне
Небывалого облика птица.
В переливах рассветных пера,
В стати птицы небесного рода
Я увижу, что длится пора,
Что ещё не погибла природа.

ЧУДО

Время рвётся на части.
Я их склеить берусь:
Удалось – это счастье,
Неудача – и пусть...
В ожидании чуда
Пролетают года...
Я пришёл Ниоткуда
И уйду в Никуда.

КАРТЕЧЬ

Суметь бы уберечь
и сохранить живую
Рассветную порою
услышанную речь.
И, видно, эта речь –
неведомо откуда,
Словесная картечь
невидимого чуда.
А, может, это свет,
его и слышу речь я? –
Не ведает рассвет
души Замоскворечья.
Здесь помнят этажи
иные откровенья,
Где я когда-то жил
до моего рожденья.

ПЕРЕМЕНЫ

Обновлённая мысль прилетела.
Сердце видит, похоже, не зря,
Как небес просвещённое тело
Освещает привычно заря.
Эту мысль сохраню непременно,
И душа обретёт непокой,
Проживая легко перемены,
Порождённые новой строкой.

БЕСПЕЧНОСТЬ

Я сегодня раскрою
Коварство ночей,
Где по вольному полю
Рыщет ветер ничей,
Где с высокого неба –
Бесконечно скучна –
На волнения хлеба
Криво смотрит луна.
Где вечерние песни
Бесконечных цикад
Отпевают беспечно
Пропавший закат.
И легко, и печально
Возвращаюсь туда
К той эпохе начальной,
Где легко, без труда
Провожал все закаты,
Все рассветы встречал,
Где услышав цикады,
Свой покинул причал.

ДАРОМ

На грани осени и лета,
Когда уставшая листва,
Теряя чувство естества,
Летит, сорвавшись с веток,
И устремляется к земле,
И падает на крышу, –
Ты вспоминаешь обо мне,
А я всё это – слышу.
Но даже больше я скажу:
– Не только слышу, – вижу,
Я с провидением дружу,
Я к избранным приближен.
Из чаши неба пригубил,
Наполненной нектаром.
И получил немало сил,
И отдаю их – даром.

ОБНОВЛЁННАЯ СТРОКА

Как сложилось, – так сложилось:
Удалось – не удалось...
Это – божеская милость:
Жить и долго, и всерьёз
И не знать, что завтра будет.
Но – фантазия строга:
После праздников и будней –
Обновлённая строка.
Вот и – смысл,
Весомый довод –
Оставлять вину за мной...
Жизнь-лошадка чует повод,
Смерть обходит стороной...

ГОЛОС НОЧИ

Среди долгой ночи
Снежной зимой
Слышу голос волчий,
Ветра сильный вой...
Но смолистым жаром
Дышит зев печи,
Замкнутым пожаром
Гонит страх в ночи.
Яркие виденья,
Вымысла пора.
Прежнего сомненья
Новая игра.
Разговор ли волчий
Или ветра вой?
Просто голос ночи –
Голос вет–ро–вой.

НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

Эта ночь привычна к поклоненью.
И поля, и речку ведь не зря
Замело бессонною метелью
В ранних числах января:
Наступает время откровенья –
Будет миром править красота.
А она достойна преклоненья,
Потому – морозна и чиста.
Эта ночь достойна восхищенья –
Молчалива, празднична, строга:
Лишь при звёздном освещенье
Серебром блестят её снега.
Эта ночь, без всякого сомненья,
В Лету никогда не уплывёт.
А точней – не будет ей забвенья,
Вот и снег кружить не устаёт.

ОТТЕПЕЛЬ

Не случилась январская стужа,
Воцарились иные ветра.
А прогнозом намеченный ужас
Затерялся в дороге с утра.
И спящего солнца остуда
Отложила до новых времён.
У природы иная причуда –
Потеплевший являть окоём,
Где до срока созревшие почки –
Вешний сонм зачехлённых знамён.
А капель ставит мерные точки,
Перепутав январь и апрель.
Что же я?
Этой жизнью научен? –
Прикасаюсь щекою к стеклу
И использую выпавший случай –
Вновь пою благодарность теплу.
Пусть обманчива снова погода.
И вернутся ещё холода,
Но теплом одарила природа,
И мои отогрелись года.

НАСТРОЕНЬЕ

Высоко Стожары –
Прячутся в ночи.
Но смолистым жаром
Светит зев печи,
Чьё тепло – всеядно,
А сосновый дух
Властвует занятно –
Улучшает слух,
Обостряет зренье,
Чтобы все могли
Чуять настроенье
Неба и земли.

ВИТАЕМ С ПТИЦЕЙ

Я знаю, что покой не обрету, –
Покой мне только снится.
И не стреляю на лету
Взлетевшую внезапно птицу.
Лишь с восхищением слежу
Высокое и тихое паренье.
Я с птицей сходство нахожу,
Пока пишу стихотворенье.
И влага стынет на губах,
А ветер треплет ноздри...
Витаем с птицей в облаках.
А выше – звёзды, звёзды.

СТРАННЫЙ ЧАС

Ранний час. Эпоха увяданья.
С ветки клёна жёсткий лист летит.
Слово возрождается преданья,
Птица устремляется в зенит.
Странный час – природа замирает,
А везде – движение, полёт:
Дух воображения – играет,
И душа беспечная – поёт.

ВОЛЯ НЕБЕС

Поэту Юрию Кукузову

Как будто тумана завеса
Теплом напитала весну –
Очнулись все запахи леса,
Собой укрепив тишину.
И горечь от лопнувших почек
Я смог ощутить наяву,
Пока собиралась из строчек
Строфа, восхваляя листву...
Атака зелёного шквала
Предельно была хороша –
Все краски бывшего смешала,
И вновь народилась душа.
Так чистая мысль обновленья
Пронзила и душу, и лес
Согласно поре возрожденья,
Даруемой волей небес.

НЕ ЗНАЯ ЧУВСТВА МЕСТИ

Григорию Ерёмёнку

Шуршат зыбучие пески,
Свои разносят вести –
Они не ведают тоски,
Не знают чувства мести.
Ни ручейка здесь, ни реки.
Лет триста или двести
Не шелестели здесь шаги
И не звучали песни.
Порою проскользнёт змея,
Легко осилив гору –
Песков сыпучих толчея
Ей оказалась впору.
Здесь ни дороги, ни тропы,
Любой бархан – дорога,
И не бывает здесь толпы,
И живности – немного...
Бредя сквозь мёртвые пески,
Припомни, честь по чести,
Глухие приступы тоски,
Слепую жажду мести,
С которыми когда-то жил,
Подспудно ненавидя
Того, кто как-то оскорбил,
Иль чем другим обидел.
Обида – вечная беда! –
Известно это многим,
Она исчезнет без следа
Уйдёт путём убогим,
Когда ты к тайне бытия
Приблужишься немного –
Поймёшь: всегда есть Судия,
И поклонись Богу.

ПАМЯТЬ О ВЯТКЕ

Наблюдаю истории,
Слышу птиц голоса.
Аккуратно просторами
Правят здесь небеса,
Вятка – малая родина,
Здесь – родные места,
Пусть не все они пройдены, –
Их узнаю с листа.

ВРЕМЯ ТАЕТ

*Что почек, что клейких заплывших огарков
Налеплено к веткам! Затеplen апрель.*

Б. Пастернак

Ночь, мороз, простор, затишье,
Чувство сладкое изгнанья.
Оказалось вновь нелишним
Просветление сознанья
Время тает, ночь – на убыль,
На востоке свет затеplen.
С пробуждением этим грубым
Осознаешь: ты – бессмертен!

ЧЕЙ-ТО ЗОВ

Одиночества позднюю долю
Предвещает мне снова судьба.
Я иду по пшеничному полю,
И колышутся вольно хлеба.
Это море не знает покоя.
А душа – обретает покой,
Слыша звоны июльского зноя,
Чей-то зов за ленивой рекой.

БАБЬЕ ЛЕТО

Осень щедро расходует краски,
Украшает обманно листву,
Чтоб слетала она без опаски,
Созерцала с земли синеву.
Бабье лето уже на подходе,
Собирает под солнцем тепло,
Чтобы вскоре при полном народе
Её светлое время пришло.

ВРЕМЯ УХОДИТ

А время уходит,
как снег под лучами
горячими тает.
Раздумью в угоду
я сон отгоняю ночами –
Люблю наблюдать,
Как неспешно светает.
Как облако вдруг засверкает
На фоне сгущённых небес.
Чуть позже таинственный лес
очнётся от призрачной спячки,
высокой сосны загорится свеча.
И вскоре стена водокачки
проявится ярким пятном.
И буду неспешно грустить об одном –
что жизнь пролетела так быстро.
И я лишь представить успел:
как тихо душа моя – яркая искра –
теряется в сонме возвышенных тел.

ИГРА ПОВТОРЕНЬЯ

Длится, длится пора вдохновенья.
Сеет слово морозный январь.
Колокольной игрой повторенья
Будит души оглохший звонарь.
И несую я усталости бремя –
Сберегаю молчаньем гортань,
И прощу наступившее время
К прежней жизни вернуть глухомань,
Где поля бесконечно-раздольны,
Первозданной спят слепотой.
Льётся утренний звон с колокольни,
Наполняя строку высотой.

ПРОЩАНИЕ

Мои друзья уходят понемногу.
Пора и мне готовиться в дорогу.
Не нужно
собирать свои пожитки,
Считать, где прибыль, где убытки –
Туда всегда уходят налегке.
Нашлось бы место в дальнем далеке,
Где бы душа – спокойна и чиста –
Трудилась с белоснежного листа.

СМЯТЕНЬЕ

Ночь приходит глухая,
И снов я слышу,
Как о чём-то вздыхая,
Ветер шарит по крышам,
Ударяется в стёкла
И качает деревья.
Он не ведаёт толком
Ни сна, ни доверья.
Ни сомнений, ни боли.
Но страстью напуган,
Разгулялся на поле,
В пространстве открытом.
И, забыв о смиренье
Под сферой стоокой,
Порождает смятенье
В душе одинокой.

БЕСКОНЕЧНАЯ РЕКА

Пейзаж распахнутых небес
Наполнен вечной тайной,
К ней – неизбывен интерес,
К её строке случайной.
Здесь одиночества причал –
У тихой тёмной глади:
Она таит в себе печаль,
Как чистый лист в тетради.
И отражаются в воде,
Дрожат, волнуясь, звёзды,
Они – попутчицы в судьбе,
Жаль, проявились – поздно.
Уже ниспослана строка,
В ней скрыты обещанья,
Где нескончаема река
Последнего прощанья.
А одиночество дано,
Чтоб лицезреть вообщью,
Как – неизбывное – оно
Сольётся с вечной ночью.

ЖИЗНЬ – ПОДАРОК

Летний сон ночного сада.
Птиц не слышно. Ветер смолк.
Никуда спешить не надо
И покой принять, как долг,
Чтобы в прошлом разобраться,
Посмотреть в грядущий день,
До причины докопаться,
Почему мне жить – не лень.
Почему мне нужно очень
Встретить праздничный рассвет,
Когда солнце вновь захочет
Возвратить на землю свет?
Почему мне спозаранку
В радость по воду идти,
Рассмотреть листа изнанку,
Встретив рощу на пути?
Потому что жизнь – подарок:
Бог-то видит, что – к чему,
И всегда вручает даром
Жизнь – конкретно – каж-до-му.

ПОЗДНЯЯ ВЕСНА

Задержалась весна, запоздала,
Календарные сроки сломав.
Однотонных снегов одеяла
Держат втуне зародыши трав.
Но устала душа от покоя.
Созерцая бескрайний простор,
Она жаждет тепла и разбоя,
Слышит скорой листвы разговор –
Напряженье налившихся почек,
Слышит токи в ветвях и стволах,
Различает невидимый росчерк
Скорых птиц в молодых облаках.
Как сильна эта страсть обновленья!
Пусть весна заплутала в пути, –
Зреют силы и сны возрожденья,
Чтоб очнуться и жизнь обрести.

ПЕЧАТЬ ВРЕМЕНИ

Живого времени печать –
Печаль летящих дней,
Где птицы тайные кричат,
Перед грозой – сильней.
Но это, право, – не печаль,
Её воздушный след,
В котором прошлого – не жаль,
Побед его и бед.
Но ясно помнится причал,
Игра ночных теней,
Когда всех ветер привечал,
Перед грозой – сильней.
Пусть наша нежность оживёт,
Хранит запасы высоты,
Которая нам шанс даёт
Узреть, как утро настаёт,
Покинув лоно темноты.

СОН ВЕСНЫ

Нет объясненья этому –
Прилёту снов извне,
Явлению пресветлому,
Подаренному мне.
Причины снов – неведомы,
Их тайна – не ясна.
Не потому ль поэтому
Обманчива весна?
Тепло её – недолгое,
Морозец поутру.
И птицы сбиты с толку им –
Смолкают на лету.
Но завтра будет солнечно
И я сюда приду,
Чтоб тишиной наполнится,
Витаемой в саду.
Здесь наконец-то дóпьяна
Я тишиной напьюсь,
Ко сну с его угодыми
Безропотно вернусь.
Ночь тайны не поведает,
И цель их – не ясна,
Но знаю, что последует
Сон с именем весна.

НАЧАЛО ЛЮБВИ

Вот и кануло в Лету ещё одно лето,
И сентябрь наступил – неважно, какое число.
И в момент пробужденья, ещё до рассвета
Надо мною лицо моей милой вошло.
Как явление света ещё до рассвета,
Как подарок небес и безмолвный наказ...
Так когда-то родились и строки поэта
И нанёс изначальный мазок богомаз.

ВОПРОС

Ночь хранит свои печали,
Оживляет скорбный дух.
Словно я опять в начале,
Обращаюсь в острый слух,
Чтоб услышать шёпот листьев
И привычный птичий спор,
И спокойный и лучистый
Звёзд далёких разговор...
Новый день, как день вчерашний –
Прожитого передел,
Есть вопрос – душе не страшно
Покидать земной предел?

СТАРИННЫЙ ИЮЛЬ

Как просто, поддавшись покою,
Полночной живя тишиной,
Прочувствовать каждой строкою,
Как пахнет июль стариной.
Но странно в такое мгновенье
Над тихой и праздной водой
Почувствовать снова волнение,
Рождённое давней бедой.

СЛЕД СЕРДЦА

Правда в том, что время – тает.
И, закованный в тиски,
Понимаю: подступает
Час нашествия тоски.
Той – ещё преодолимой,
Свой имеющей предел,
Что спешит неодолимо
После ряда важных дел,
Мной намеченных на утро
И вперёд, на много лет...
Поступить сумею мудро –
Поменяю тень на свет,
А потом и дождь – на вёдро
И, предвиденьем томим,
Зашагаю к цели твёрдо,
С ней – одной – неразделим...
Память сохраняет разум,
Помогает ей строка...
Заключительную фразу
Вспомнят новые века.

ПОДСОЗНАНИЕ

*Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!*

Ф. Тютчев

Меж дорогой домой
И путём в никуда
Временной ещё есть промежуток.
В стороне неземной
Его знает звезда, —
Свет её и прекрасен, и жуток.
И как прежде живу,
Свою цель нахожу,
Крайний срок поднебесьем намечен.
На земле я живу,
В подсознание держу,
Что и путь всей Вселенной не вечен.
Тёплой мыслью согрет,
Что я мир посетил,
И, покуда живу,
Я к счастливому роду причислен,
Свою жизнь посвятил
Я любви наяву,
Обогретой возвышенной
мыслью.

ЭРА ФЕВРАЛЯ

Мне привычны: лик печальный
Ранней эры февраля
И приход поры начальной
Снега в свете фонаря.
Неизбежный час прощанья.
Как сумею, отдаю,
Все исполню обещанья,
Встретив новую зарю.
Ослеплённый светом сильным,
Постою на берегу:
Стылым воздухом России
Надышаться не могу.

НАУЧАЛА НОЧЬ

Научала ночь – речи перечить,
Грешной мысли – препоны чинить.
Я назначил ей новую встречу,
Чтобы волю свою укрепить,
Чтоб разумное время текло,
День привычно менялся на вечер,
Чтобы ночь отдавала тепло
Всем, кто нас от величия лечит.

КРАСОТА ХАОСА

Из тени в свет перелетая...
Арс. Тарковский

Истаяла пора непониманья,
И облик ночи стал светлей.
Смысл своего существования
Метель раскрыла в феврале,
Когда из тени в свет перелетая –
Из ночи – в конус фонаря –
Снежинок закружилась стая,
Картинки хаоса творя.
Недолго длилось наважденье –
Весёлая исчезла суета...
Но в беспорядочном круженье
Своя сокрыта красота.

НОВЫЕ ПЕСНИ

У ранних пташек музыку подслушал.
У новых листьев и ручья – слова,
У неба испросив на всякий случай
На это своеволие права.
Не из корысти, и не ради славы,
Лишь потому, что так велит душа, –
Для новых песен жителям державы,
Не попросив за это ни гроша.

ПРОГУЛКИ ПРИ ЛУНЕ

Испробуем на вкус
хвоинку стылой ели,
Вернёмся в сад искусств,
где мы поднаторели
в прогулках при луне,
где скрип морозный снега
рождался в тишине,
как и просила нега.
Я строки вспоминал
и сохранял их в тайне,
А где-то длился бал,
шумел необычайно.
Для нас же тишина
важней той круговерти,
где строгая луна
не предрекает смерти.
Полночные леса,
переполняет нежность,
а наши голоса
перелетают в вечность.

ПОЛЁТ

Звон счастливый колокольца
Потревожил сон полей –
Кольца радужные солнца
Свет роняют веселей.
Снегом хвастает равнина,
Снегу сдавшаяся в плен.
С небом праздничным сравнима
В дни погожих перемен...
Путь – ни близкий, ни далёкий,
Снег летит из-под копыт.
Ощущение полёта –
Смысл, который не избыт...
Замечается порошей
От саней послушных след,
Завершая день погожий,
Укрепивший в сердце свет.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Снег летит – не сгорает.
Народившись во мгле,
Он не помнит о рае
И стремится к земле.
И собой дополняет
Слой вчерашних снегов.
Чью-то душу спасает
От грядущих грехов.
Снег, рождаясь из тени
Атмосферной войны,
Тратит вечное время,
Дарит свет тишины.

2

Трепещет тряпица
и бьётся о ветку,
как чёрная птица,
попавшая в сетку.
И мечутся снэги
весенней метели,
терзая побеги
живой иммортели.*
Ударится дверца,
Всплакнёт половица...
И – падает сердце,
как сбитая птица.

---

* Иммортель – трава-бессмертник

НАЯВУ

Я вновь живу,
В стихах продляю повесть.
И знаю наяву:
Свою не продал совесть.
Пока дышу,
Мне размышлять – не лень,
Я напишу,
Как ель бросает тень.
И в той тени
Пройдёт остаток дня,
Пока огни
Не позовут меня, –
Увидеть свет ночной
На зеркале реки,
Услышать зов связной
Живой строки.

УТЕХИ ЗИМЫ

Внуку Илюше

Земля промёрзлая звенит
И снег сухой искрится.
А если посмотреть в зенит,
Там солнце веселится –
И не тепло на землю льёт,
А холод – ярким светом.
На озере – прозрачный лёд
С прожилками из веток.
По льду скользит снежок,
И требует без фальши:
Пусть прозвучит свежо
Фрагмент знакомый вальса...
Чтоб веселей зима была,
Сзывать не перестала
Всех ребятишек мал мала
Из ближнего квартала.
Здесь бескорыстны – толчея
И колокольца смеха...
Позёмки шустрая змея
Веселью – не помеха.

НА ИСХОДЕ

1

Сужу по погоде,
Как делали встарь:
Уже на исходе
Капризный январь.
Ни тени роптанья,
Ни слова в укор
За козни преданья,
За снежный узор,
За шалость метели
И буйство ветров:
Они мне напели
Немало стихов.
И нужно всё дальше,
Не зная оков,
Трудиться без фальши
На поприще слов.

2

От простуды зазнобило,
Кашель мечется в груди...
Вспоминаю всё, что было,
Чую всё, что впереди.
Вызревает беспокойство:
Помешать не сможет хворь
Делу правильного свойства –
Зарожденью новых зорь?

МАЙ 80-ого ГОДА

Да, это реально бывало
И душу терзало мою –
Грозило смертельным обвалом,
Пока я стоял на краю
Той жизни, подаренной небом
В преддверии странной войны, –
Ущербной любви на потребу,
Своей не признавшей вины.
Вины между скорбью и словом
В смятенной сумятице дел,
Ущербно упрятанной стоном,
Латавшим утраты пробел.

ДУАЛИЗМ

Под натиском ветров неистовых
Дождя – осенняя царит страда –
Врасплох захваченные листья
Срываются легко под поезда.
Так странная раздвоенность живёт:
Да, листопад в лесу – прекрасно!
Но листопад в пути – опасно,
Когда листва на рельс падёт!

В ИПОСТАСИ ПОСМЕРТНОЙ

Как прежде, на тысячу вёрст
Здесь царствует время затишья,
Немое мерцание звёзд
Нисколько не кажется лишним:
Легко укрепляется связь
Меж светом, сплотившим деревья,
И небом, живущим искрясь,
Отвергшим атаку неверья.
Живу, ожиданьем дыша,
И мысль обживаю конкретно –
Живой пусть предстанет душа
В своей ипостаси посмертной.

УСТАЛОСТЬ

Накопилась усталость,
Но не гаснут огни.
Сколько жить мне осталось,
Не подскажут они.
Не имеет значенья –
Мал, велик этот срок,
Продолжается чтенья
Прекрасный урок.
Не отобрано право
На ночные труды,
Что весной исправно
Мне приносят плоды, –
В виде лопнувших почек
Листьев, рвущихся прочь,
В виде искренних строчек,
Воспевающих ночь.
Чтоб в её круговерти,
Чуя сердца броски,
Не помыслить о смерти
От грешной тоски.

ПЕРВАЯ ЛИСТВА

1

Осколок утренней зари
Упал с небес,
И задымился изнутри
Промокший лес.
Туман разбуженной весны
Лишь отделил
Едва родившейся листвы
Избыток сил.

2

Бог ты мой, сколько нежности в этом
Народившемся дыме весны!
Он не раз нам припомнится летом
Среди пыльной и вялой листвы.
Этот праздник, конечно, заметим,
Скопом запахи в сердце вобрав,
И озноб ощутим на рассвете,
Притаившийся в бархате трав.

ОЧНУЛАСЬ ЛИСТВА

Ветер проснулся,
Очнулась листва –
Праздник вернулся
В родные места.
Ветер – весенний,
Прозрачные дни...
Свет свой рассеяв,
Погасли огни.
Солнышко мудро
Роняет лучи.
Позднее утро,
Лучи – горячи.
Воздухом терпким
Сквозняк напоён.
К вольностям дерзким
Готов окоём:
С ветром сдружиться,
Собрать облака...
В воде отразиться
Им позволит река.

ВСЁ – ЗНАКОМО

Писателю Александру Глазунову

Ничего в мире нового нет:
Те же небо и звёздная пыль,
Наступает привычно рассвет –
И колышется пыльный ковыль.
Также солнце роняет лучи,
Пробуждается заспанный бор,
И журчат беззаботно ключи,
Бесконечный ведут разговор.
Те же солнце, и небо, и лес.
Почему же в сумятице дня
Не теряется к ним интерес,
Сохраняющий жизнь для меня?
Потому что есть память и боль,
Бесконечные светят огни,
Вот и сердце неволит: изволь
Не хулить Богом данные дни.

ПРЯНЫЕ ТРАВЫ

Сделался пьяным, вместе собрав
Запахи пряных утренних трав.
Тихого звона поле полно –
Ветром озона дышит оно.
Мир не нарушу трелей и трав –
Душу утешу, свободу впитаю.
С памятью детства не сгинул во рву,
Выдюжит сердце, – ещё поживу.

ЖИЗНЬ – С НАЧАЛА

Осенние ливни неожиданно и шумно упали,
Но вскоре пропали, минуты раздумья настали.
Отжившие листья легли на остывшую землю.
Спокойно и ясно. Далёкому голосу внемлю.
А первые снега, как будто, уже на подлёте –
В предчувствии долгой, и трудной работы...
И нужно бы сил и терпенья набраться,
И с тем, что прошло, навсегда распрощаться.
Забывать, что умел, что успел, что запомнил,
Что песню допел в поднебесье огромном, –
Увидеть, что стынь поднебесья – чиста,
И жить, как в начале, – с пустого листа.

АУРА МОЛЧАНЬЯ

Обитаю в ауре молчанья.
Это дни и ночи – напролёт
в ожиданье отзвука – звучанья
голоса, который позовёт
в дебри сна или в реальность
летнего просвеченного дня,
в город ближний или дальний,
где я был, где не было меня...
Вслушиваясь в шёпот или крики,
в эхо грома или в дальний гром,
я в другие вглядываюсь лики,
По-спартански обживаю дом.
Сохраняю долгое молчанье,
По ночам ищу свою звезду...
Слушаю далёкое звучанье,
отклика желаемого жду.

ЖАЖДА БЫТИЯ

Ещё не все упали строчки
На поле белого листа,
Берёз и лип набухли почки,
Вот-вот проклюнется листва.
А воздух терпкий и пьянящий
Так сладко голову кружит.
И голубь, в небесах парящий,
Заставил посмотреть в зенит,
Где солнце горячо и ярко
Слепит глаза, и оттого
Мне видится уже двойко
Пейзаж для сердца моего.
Реки строгинская излука,
Открытая для вся и всех,
Для созерцания – наука,
Где поражение и успех.
В единстве и противоборстве
Бунтует жажда бытия...
Вот почему с таким упорством
За эту жизнь сражаюсь я.

ОБНАЖЁННЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Обнажённые деревья,
Отражённые в воде –
Проявление доверья
К речке, небу и звезде,
Чьё немое отраженье
Сохранит легко вода
До поры, когда в сраженье
Верх одержат холода.
А доверье в том, что будет
Умиранье не вполне:
Лес, едва перезимует,
Обновится по весне.

НЕ ТЕРЯЯ ИНТЕРЕСА

1

Наше время уйдёт безвозвратно –
Не изменится облик небес,
Истолкуют всё время превратно,
Не теряя живой интерес
К бесконечной, немислимой бездне,
Наблюдаемой где-то в глуши,
Сохраняя подспудно надежду
На бессмертье души.

2

Вчера закат, окрасивший полнеба,
Напомнил первобытной красотой
Те времена, свободные от гнева,
Позволившие жить над суетой,
И наблюдать природы возрожденье –
Услышать птиц беспечных голоса,
Понять, что наше пробужденье
Приветствуют, как прежде, небеса.

ТОЛЬКО ЗВЁЗДЫ

Покой нам только снится...

А. Блок

Я знаю, что покой не обрету,
Покой мне только снится.
И не стреляю на лету
Парящую свободно птицу.
Лишь с восхищением слежу
Высокое и тихое паренье.
Я с птицей сходство нахожу,
Пока пишу стихотворенье.
И влага стынет на губах,
А ветер треплет ноздри...
Витаем с птицей в облаках.
А выше – звёзды, звёзды.

ЗЕМЛЯ ОТТАЯЛА

Земля оттаяла,
И сердцу – полегчало.
И мысль вернулась
В давнее начало,
Где громко птица
закричала,
а ветер дерева качал.
И эти невеликие движенья
сумятицу рождали и томленье.
А сеть теней раскинулась легко
при чистом небе полнолуныя.
И снова птица – маленькая лгуныя
Вновь вскрикивала здесь,
недалеко.
И выплывало об–ла–ко.
И таяла печаль,
и прошлое безумье
казалось шалостью,
и твёрдую рукой
я строки выводил
и вспоминал начало:
«Земля оттаяла,
И сердцу полегчало».

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

За дорогою кружной –
Зимние пейзажи:
Дружно – ельники стеной,
Дальше – сосны-стражи.
Здесь глубокие снега
Вдоль тропы-дороги –
Округлили берега,
Намели пороги.
И – безлюдье без границ,
Яркий свет струится.
И не видно зимних птиц,
Конь похож на птицу.
Снег летит из-под копыт,
Мысль приходит лестной:
Возвращенья смысл забыт
Сотворённой песней.

ПОДНЕБЕСНАЯ МУЗЫКА

В глубине заповедного леса –
Перебранка невидимых птиц.
Их туманная скрыла завеса,
Не заметив запретов границ.
Резко скрипы, и всхлипы, и вопли
Гонят сон, подгоняют часы.
Хорошо, если б птицы умолкли,
Не позорили внешней красы.
Хорошо б, если в бездну покоя,
В краткий сон погрузиться сумел
И запомнил не звуки разбоя,
А восторг поэтических дел,
Проявившийся в песне недолгой.
Чтоб узнать я поздней захотел:
Это кто в тёплом воздухе волглом
Поднебесную музыку пел?

ПЕРЕДЕЛКИНСКОЕ ПОЛЕ

*Лес стянут по горлу петлёю
пернатых Гортаней...*

Б. Пастернак

Продлённая пауза ночи
Наполнена тайным трудом:
По-птичьи стремительный почерк
Стремится поведать о том,
Что снег устилает равнину,
Безлюдье – на тысячу вёрст,
И дух опустелой картины
По воле небесной простёрт.
Размыты земные границы,
А ветер затепленный льнёт.
Слова это – вечные птицы,
Прекрасен их вольный полёт.

БЕССОННИЦА В ИЮЛЕ

Июльскую бессонницу люблю.
Полночный час её мне дорог.
Давно затих уставший город,
Его дыханье вновь ловлю.
Но слышу, как беспечная река
Играет собственным приливом,
И ветер с рвением ретивым
Влечёт на север облака.
И запахами терпкими дыша,
Услышал – птица прокричала...
На этот крик отозвалась душа –
И в одиночестве она не одичала.

ТЕМА БЕДЫ

Я хотел бы услышав, поверить
Тихим звонам июньских ночей,
Чтобы отдыху время отмерить
Там, где чистый струится ручей.
Чтобы мог я увидеть в потёмках
Цвет изнанки у листьев в саду,
Чтобы мне не мешала котомка
Цель увидеть, к которой пойду
Из уснувшего тихого дома:
Он меня не сумел уберечь
От желания тайной истомы –
Облекать сновидения в речь.
Превращать первозданные звуки
Ветра, птиц и высокой звезды
В бесконечную песню разлуки,
Где главенствует тема беды.

ПАМЯТЬ НЕЛЮБВИ

Ронять не стану бранные слова.
И на упрёк упрёком не отвечу –
Ведь ты не в силах отобрать права
На эту ночь, покинувшую вечер, –
Благодаря погасшему костру,
Где догорели лёгкие поленья,
На птицу – вдохновения сестру,
Они всегда – небесного творенья...
И ночь, и сам костёр, и птица –
Судьба моя, а ты – лишь образ сна,
Где вновь посмела появиться
Лишь потому, что властвует весна.

ВОСПОМИНАНИЕ О ГОРНОМ РУЧЬЕ

Моей жене Светлане

Я привнёс свой порядок в течение ночей,
В шум деревьев, в сумятицу птичьих речей.
Успокоил течение быстрой реки,
Чтобы облако – образ забытой строки –
Отразиться сумело, не скомкав следы
Своего отраженья на глади воды.
Чтобы память вернулась из южных ночей,
Где доверил нам тайну холодный ручей...
Ах, какими прекрасными были года!
Поспешим в новой жизни с тобою туда?

ОЖИДАНИЕ

Эхо прозвучало глухо –
Тихо в память залегло,
И ещё коснулись слуха
Скрипы веток о стекло.
Свет дневной спасает зреньё –
Солнце светит, не слепит.
Подступившее волненье
Чувство горечи таит,
Потому что спозаранок
Поселилась мысль одна,
Что любовь – сама – подранок,
Ожиданием полна:
Пусть недолго день продлится,
В ночь легко перетечёт,
Прилетит хмельная птица –
Потеряешь песням счёт.

ПОПЫТКА УХОДА

Не я этот путь обозначил,
Но тайной вверяясь судьбе,
Заране поверил в удачу,
Пошёл по опасной тропе.
Не видя, не зная дороги,
Куда-то пошёл наобум,
Оставил легко у порога
Запас недодуманных дум.
Сбегая от пут повседневных,
Куда-то пошёл напролом,
Укоров не слушая гневных,
Которыми полнился дом.
Удач не предвидя и выгод,
Я просто пошёл наугад,
Искать мне неведомый выход,
Оставив задумчивым сад,
Где лип продолжалось цветенье,
И запах дурманный висел,
И птиц проявлялось уменье –
Кто щёлкал, а кто-то свистел.
И озеро тихо мерцало
Живым отраженьем луны...
Но было прекрасным начало
Попытки забвенья вины.
Попытки в случайном движеньи
Найти снова силы в себе,
Забывать, что оставил служенье
Капризной подруге – судьбе.

ПАЛАТА СРОЧНОЙ ХИРУРГИИ

Когда подступит немощность к тебе,
Просить о помощи не нужно,
Не нужно посылать укор судьбе,
Житейским вольностям недужным.
Уже заужен круг твоих друзей.
Молитвы вспоминаю из молебна,
Приходят мысли – трезвого трезвей,
И не мешает думать запах хлебный...
Забыв остаток мелочных обид,
Витает птица в небе звёздном.
Её весёлый и нарядный вид
Сумятицу сметает. Поздно.
Грядёт заря последнего свиданья.
Прими её и не кори себя...
Не снизойди до самооправданья,
Мир покидая и о нём скорбя.

КИСЛОВОДСКОЕ ОЗЕРО

Озеру полночному не спится –
Цепи у причала зазвенели,
Устремляясь в небо, полетели
Потревоженные птицы.
Я глаза зажмурю и открою,
И во всех подробностях увижу:
Подплывает горизонт всё ближе,
Исчезает тихо под горою.
И шеренгой длиною деревья
Сверху – вниз, поближе к водопою
Устремились, но в оцепененье
Замерли над каменной тропею...
Длится ночь осеннего покроя.
Озеру холодному не спится,
А вверху немые выются птицы
И не могут обрести покоя.

ПАМЯТИ РОДИТЕЛЕЙ

Здесь жилым уже не пахнет.
И повсюду – здесь и там
Паучок, вполне домашний,
Вяжет сети по углам.
Пыль покрыла стол и полки
Ровно выстланным ковром,
А орудье для прополки
Спит, забытое трудом.
Не мешает мне сомненье,
Я теперь уверен в том,
Что хозяин здесь – забвенье, –
Им пропитан отчий дом.
Горе, радости, напасти –
Всё исчезло без следа.
Но разъять судьбу на части
Я не зря пришёл сюда.
Вспоминал я детство, юность, –
Новой мыслью обожгло:
И меня уже коснулось
Птицы-вечности крыло.

ОБРАЗЫ НЕБА

1

На празднике вечерних лет,
Когда слышна усталость,
Кукушка-сердце, дай ответ:
А сколько мне осталось?
Не надо сроки отмерять,
А жить по полной мере,
И только сердцем примирять
Удачи и потери,
Тем самым небо уверять
В своей бессрочной вере.

2

Восходит ранняя звезда,
Лучей роняя многогранник,
Я на земле – случайный странник,
Один пою в свои года.
И, если свет порой не мил, –
Скажи, кому какое дело,
Что я немало трачу сил
На то, чтоб небо пело?

ЗАКАТ

Притушил свои краски закат,
Но – остался границею неба,
Где нестройная песня цикад,
Как замена и зрелищ, и хлеба.
Но мелодия всё ж – хороша:
Не мешает господству покоя,
И его принимает душа
И летит над спокойной рекою.
Звон цикад, как и шёпот воды,
Эти вечные звуки природы,
Создал Бог для забвенья беды
И рождения чувства свободы.

ДОРОГА НА РОЖДЕСТВО

Не морозец – мороз.
А путь мой – дальний,
Не обойтись без слёз
Исповедальных.
Здесь небо – храм,
А звёзды – свечи.
Я им хвалу воздам
В безмолвной речи.
И будет эта речь,
Такого ритма:
Она сумеет течь –
Почти молитва...
А вот обратный путь –
Всегда короче:
Могу вздремнуть
Под взором ночи.

БЕРЕГ БОЛИ

В таинстве ночи
При натиске боли
Всё ж непорочны
Волны прибоя.
Мысль о побеге
В небо ли, в море? –
Брошенный берег
Вспомнится вскоре.

БЫЛИ – НЕБЫЛИЦЫ

Угадаю на завтра погоду,
А, возможно, её закажу –
Своему настроенью в угоду,
Потому долго в небо гляжу.
А цвета бесконечного неба
Мне известны по прежним ночам,
Там рождались и были, и небыль –
Разбежались затем по углам.

ТЕНЬ СКОЛЬЗИТ

Тень скользит по верхушкам деревьев.
Нынче – вёдро, и очень тепло.
Проявляется время доверья,
Когда время моё – истекло.
Я уйду без истерик и жалоб,
Но в разгаре большого труда...
Если с небом природа сближала,
То душа устремится туда.

БЕРЕГ ВЯТКИ

Весь мир затих. А ночь спешит на убыль.
Неяркий свет привычных фонарей, –
Пространство зазывает в мир негрубый
Насквозь продутых праздничных аллей,
В тоннели их, где строятся в шеренгу –
Подросшие под солнцем тополя,
Почти сплошную образующие стенку,
Скрывающую Вятку, ближние поля.
Здесь птичий свист внезапен и восторжен,
Привносит мысль в безмолвный мир теней.
Здесь я, как чуткий, одинокий сторож,
Храню свой мир, – чем дальше, тем больней.
Но счастлив тем, что я укрыт от взоров
Людских.
И запахи дарует мне земля,
А соучастники полночных разговоров –
Деревья, птицы, звёздные поля.

ЛЕДОХОД

Совершив разор заторов,
По-весеннему – строга,
Ежегодный смысл повторов
Длит бесхозная река –
Продолжается движенье
Мыслью скованной воды,
Привнося успокоенье,
Отвергая тень беды.
Бесконечен ток историй,
Тайна каждой – не видна:
Сор от зимних разговоров
Скрыла мутная волна.
Отколовшись от причала,
Лёд проплыл передо мной,
Птица громко прокричала,
Опоённая весной.
Солидарно с криком этим
Развивается ужé
Привнесённая поэтом
Мысль в разбуженной душе.

ГОЛОСА

Ввечеру в обновлённой дали
Время молнии ярой настало –
Так кидалась на тело земли,
Словно плетью кого-то хлестала.
Дальний гром не казался помехой –
С беспредельной его высоты
Добиралось помятое эхо,
Не теряя своей чистоты.
А зарницы – тревожные птицы,
Покидая навек небеса,
До моей долетели страницы,
И слова обрели голоса.

УГРОЗА

Эту весть я услышал случайно
На рассвете весеннего дня:
Мне открылась суровая тайна,
Перспективой смутила меня.
Призвала собираться в дорогу,
Сообразно угрозам судьбы...
И тогда обратился я к Богу,
Не стесняясь повторов мольбы.

УЛОЧКА, КОТОРОЙ НЕТ

Полночной памятью тревожа
Давно истаявшие дни,
Я замечаю, что похожи
Они, как дальние огни.
И, обитая в отдаленье,
Огни роняют тусклый свет
На улочку в моём селенье,
Которой в этой жизни – нет.
И, будоража свет познания,
Я песни новые люблю,
Но слово трудного признания
Теперь, как прежде, не ловлю.
Теперь ответить невозможно –
Зачем я тратил столько сил
На тень любви неосторожно,
Которую потом не различил?

НЕЖНОСТЬ

Тихо, тихо, и – прилежно
Время тянется в глуши.
Беспричинно – нежно, нежно
Сон касается души.
И в его смешенье с былью
Вспоминается легко,
Что счастливыми мы были
И в неблизком Далеко.
Так светлы, неприхотливы
Лёгкой памяти труды.
Там приливы и отливы
Стёрли быстрые следы
Имитации побега
В неизвестность, в никуда,
Где засилье льда и снега,
Где смолкают Нет и Да...
Пусть живут воспоминанья,
Грусть – высокая, а в ней
Вечный свет очарованья
Строгой нежности твоей.

ЛЮБОВЬ НЕ ОЖИЛА

Кто подскажет – так ли, нет ли
Ставни бились на ветру
И скрипели жалко петли
В час случайный поутру?
Стены дома все промокли –
Лужи стынут на полу...
А едва завоюют волки,
Страх объявится в углу.
Тишина бытует в доме
Без хозяйкиных затей,
И дождя, и ветра кроме
Не бывает здесь гостей.
Я забрёл сюда случайно –
Мысль случайно привела,
Оживляла память тайно.
А любовь – не ожила.

ЗАПОВЕДНЫЕ ЛЕСА

Илье Егорычеву

Вдоль канала стоят молчаливо
В разноцветном убранстве леса,
Наблюдают приливы-отливы,
Ранних птиц позабыв голоса.
Как прекрасна пора увяданья
В заповедной, неспящей тиши!
Я хочу, чтобы память прощанья
В закромах притаилась души.
Эту память ничем не нарушу,
Потому что лесов красота
Вырывается светом наружу,
И листвы рассыпает цвета.
И, смешавшись с палитрой заката,
Дарят миру вселенский покой,
С ним готов улететь я куда-то,
Породниться с небесной рекой.

ЗОВ МОРЯ

*Памяти Владимира Черткова,
Заслуженного полярника СССР*

Колышется марево зноя,
Как прежде, – у кромки воды,
Где лёгкой волною сквозною
Стираются чьи-то следы.
И эти приливы-отливы,
Играя слепящим лучом,
Не ищут случайной наживы –
Её не сыскать нипочём.
Глаза заслоняя от света,
Полёт гордых чаек слежу,
Живу в ожиданьи совета,
В минувшее вновь ухожу,
Где долго молчал в диалоге
С попутчицей юной моей,
И там, на родимом пороге,
Призывы расслышал морей...
Желанья – грешны и бездумны,
В былое спеша сквозь года,
Поверил, что жить нужно трудно –
Не нужно любить никогда!

ПАМЯТИ РОДИТЕЛЕЙ

Покуда ещё живы,
Не как-то, а вдвоём.
Пока нерасторжимы –
Глядят за окоём.
Привязанность?
Усталость?
Никак не разберёшь.
Но с ними не рассталась
Привычка слушать дождь.
Стучит, стучит по крыше,
Звеня, по стёклам бьёт,
Быть может, боль утишит,
Утешит – не соврёт.

ОБРЁЛ СВОБОДУ

Переступил отеческий
Порог,
Обрёл покой,
И ощутил свободу,
Как будто надо мной
Склонился Бог,
И губы прошептали:
Слава Богу!

УБЕРЕЧЬ РЕБЯТ

Время – грома-молнии.
Кругом – голова.
Там, где слово молвлено –
Буйствует трава.
Если слово молвлено,
Отступают сны –
Вновь они наполнены
Памятью войны.
Беглая бессонница,
Мерные часы.
В отдаленье звонница
Пробует басы,
Чтобы мог заранее
Прозвучать набат –
И не только раненых
Уберечь ребят...
Если слово молвлено,
Не приходят сны.
До сих пор наполнены
Памятью войны.

ОБРАЗ ПАМЯТИ

Нагие колышутся ветви деревьев морозных,
И снег наметает отряды сугробов бесхозных.
И тени густые ложатся, и свет проливается лунный,
И ветер стучится в стекло, и звук вызволяет латунный.
И новые страхи приходят с рождением страсти –
Явить этот свет, эти звуки, хотя бы отчасти
На белом листе, зачинив белоснежные перья,
Чтоб звуки слышать далёкого чистого пенья,
Чтоб вспомнился образ, случайно увиденный мною –
Желанной, цветущей, поющей, коварной весною.

НАБЕЛО

Распахиваю настежь дверь,
Иду учиться грамоте.
Перед лицом былых потерь
Держу их крепко в памяти.
Известно, грамоте простой,
Где слово к слову движется.
Я там устроюсь на постой,
Чтоб написалась книжица,
Пока не ведаю – о чём,
Какой в ней будет фабула.
Я к дереву прижмусь плечом
И буду думать набело.
Я знаю: времени – в обрез
И не ленюсь поэтому,
А помощь снизойдёт с небес
Согласно сну поэтову.
И мысль живая – недолга,
Но правильно построена:
Лишь кажется: она строга, –
На нежный лад настроена.
Всегда – на добрые дела,
На помыслы правдивые,
На вечный бой добра и зла,
И сны непобедимые.

СРОК ЗЕМНОЙ

Замешана на памяти и чести,
Пред вечностью душа моя – чиста.
Я жизнь построил с чистого листа –
Небес теперь улавливаю вести,
Наполненные снежной белизной.
А это – важно и... тревожно.
И ошибиться невозможно –
Так скоротечен срок земной.

ПАМЯТЬ РОДСТВА

1

Обречённая пала листва,
Беззащитными стали деревья.
Постаревшая память родства
Охраняет примеры доверья.
Слишком редко случались они
В одинаково длившихся буднях,
Освещали их скудно огни –
Свет сочится из прошлого трудно...
Острота ощущений ушла,
Лишь порой среди ночи
Незначай промахнётся игла,
Ткань сшивавшая строчек.
Ощущение давних разлук,
Окропленное капелькой крови,
Возвращает лишь память-паук
Из угла сиротливого крова.

2

Теперь я там, где прежде был,
И прошлое как будто не забыл.
Остались в памяти живой неброско
Пейзажа местного наброски.
Под звуки незнакомой песни
Воспоминанья выстроились тесно,
Пришли они, бесхозные, гоня
Из нового времени – меня...
Где стёрт весь жизненный удел –
Искусно обозначенный предел
В подаренной судьбе, её огне,
Где – никого, кто помнит обо мне.

ПАМЯТЬ

Деревни нет давно,
А дедов дом – стоит.
И в доме том – темно,
Там тишина молчит.
И нет следов родни –
Нет никого нигде,
Сгоревшей пристани огни
Уплыли по воде,
Молчат за Вяткою леса,
Все тропы – заросли.
Столетье скрыло голоса
Во глубине земли.
И только яркая свеча
Над облаком парит,
И дедов дом – из кирпича,
На памяти стоит.

ВЯТСКИЕ ПОЛЯНЫ

Памяти поэта Н. Заболоцкого

Луна осветила владения сада,
Рельефно возникли кусты и ограда.
Подробности ночи, задуманной тайно –
Виденья и звуки – родились случайно.
Возникла и живность сама понемногу,
Шурша и шипя, поспешив на дорогу –
Мураши, как и прочие мелкие твари.
Разглядеть их подробно сумею едва ли
На тропе, где есть заросли всяких растений,
На полянке, где прячутся длинные тени.
Здесь никто сновидений привычно не ищет –
Тут добыча ждёт вдохновенья и пищи:
Кто – букашку найдёт, кто – букву-травинку,
Обживая свою трудовую тропинку...
Всё – живёт. Здесь и я недалёко, в сторонке.
Отражаются звёзды в широкой воронке,
Где вечерняя влага неспешно скопилась,
Отражению звёзд, может быть, подивилась...
Утвердился порядок полночного сада,
Здесь на страже – открыто – кусты, и ограда.
И уходят сомненья, остаются печали.
Да не те, что меня опекали в начале.

ПТИЧЬЕ ВРАЧЕВАНЬЕ

Бескорыстны поющие птицы,
Потому и прекрасны они.
Не слагают о них небылицы
Даже в очень тяжёлые дни –
Эти птицы – приверженцы воли,
(Как и птицы безгласных пород)
Но лишь песня смягчает все боли,
Когда сильно хворает народ.

СЛЕД ПАМЯТИ. 1941 год

Просветлённое небо июня.
Ветра нет, но и нет облаков.
И солнце – по-летнему юно,
Не знает преград и оков.
Проявление полной свободы,
Воцарение той тишины,
Что бывает по воле природы
Накануне жестокой войны.

ДОБРАЯ ВЕСТЬ

Настоящему делу я верно служу.
Вот к стихам прикипел – ненароком.
За высоко витающей птицей слежу –
Восхищаюсь наглядным уроком.
Быть живым почитаю за честь –
Душу мне оживляет поспешно
Сам полёт. Он – как добрая весть,
Уколовшая сердце успешно.

МЁРЗНЕТ САД

С.Ч.

Наше время, похоже, не минуло –
Не стирается память во мне.
Все деревья украшены инеем,
Не сгоревшим в закатном огне.
Все деревья украшены инеем,
В поздних сумерках саду светло.
Я согрет твоим солнечным именем,
И оно меня в сад привело.
Плёнкой льда покрывается озеро,
Мёрзнет сад на бессонном ветру...
Как ладони твои поморозило –
Отогрею дыханьем к утру.

НОВОЕ ВРЕМЯ

*Памяти друга, хирурга-онколога
Александра Колобякова*

Утренней иду дорогой –
По проложенной меже,
Вниз по тропочке пологой,
Видя цель на рубеже
Между полем и рекою,
Невеликой, но – живой.
Вновь её побеспокою,
Окунувшись с головой.
Вместе с памятью усталой
Укрепится голос дня
И пойму, что вновь настало
Время правды для меня.

РАННИЙ ИНЕЙ

*Памяти доктора
Елены Гороповой*

Свет разлился по равнине,
Сколько видно – далеко,
До берёзы на плотине,
Где мне дышится легко.
А оттуда – дальше, дальше
По сверкающей воде –
К исчезающей без фальши
Привечаемой звезде.
И обратно – по равнине,
Через рощу – на шоссе,
Где поспешно тает иней,
Оставляя свет в душе.

ВЕРА

Разорванные в клочья облака
Летят куда-то к югу.
Бесформенные их бока –
Попутчики друг другу.
И я б за ними полетел,
Доверясь зрению и слуху,
Но свет небесный поумнел –
Он верит только духу.

ОСТАВАТЬСЯ ЖИВЫМ

Александрю Кацуре

Как смириться с насильем напасти –
С обречённостью нового дня?
Он придёт, преисполненный страсти,
Чтобы вскоре покинуть меня.
Как мне жить, если я неумело
Призываю всю память любви,
Чтобы дня бестелесное тело
Пребывало подольше в крови?
День придёт и уйдёт по закону
Для безбрежья космических тел,
Ускользнёт по закатному склону,
Даже если б остаться хотел.
Изменить невозможно порядка,
Порождённого духом святым...
Нужно жизнь отдавать без остатка,
Чтоб всегда оставаться живым.

НАЖИТОЕ

То, что прожито, – нажито
В тихом царстве теней.
На не выжженной пажити –
Табуны лошадей.
И на лбу каждой лошади –
Под чёлкой – звезда.
Хорошо, что не кошены
Травы здесь никогда.
Голубыми просторами
Правят здесь небеса...
Длятся долго истории –
Слышу их голоса.

ВРЕМЯ ТЕЧЁТ

Продолжение дня – эти вечер и ночь.
Хорошо, когда времени – много.
На обочине можно и сердцу помочь,
И вернуться успеть на дорогу.
Хорошо, когда время неслышно течёт –
Слышен пульс, все его перебои.
И пока я иду, меня смерть не найдёт,
И пока я дышу, я не вышел из боя.

ДЫХАНЬЕ ЗЕМЛИ

Я слышу иногда беззаботным,
Пребывая в сгустившейся мгле,
И себя ощущаю свободным
В бессрочном своём ремесле –
Строки строить из инея
И смотреть, как невольно они
Вместе с собственным именем
Зажигают привычно огни
На краю невеликого леса,
Чтобы все этой ночью смогли,
Не теряя к нему интереса,
Ощутить и дыханье земли.

ПОПЫТКА ВОЗВРАЩЕНИЯ

Я пришёл сюда вновь –
Чтобы с прошлым проститься,
Всех простить и прощенья
У всех попросить.
И про боли забыть, и обиды,
Им уже никогда не случиться –
Беззаботного детства
Испарился залив.

МОЛИТВА

Полночные ливни
обильно и шумно упали,
В усталой душе
пробудили начала печали.
Но сердце не сбилось
с привычного, чёткого ритма –
Его подкрепляет
понятная сердцу молитва:
Испытана верой,
любовью пропитана мудро –
Дарует надежду
на чистое, ясное утро.

ПО РУБЕЖУ

Итоги жизни – нет –
не подвожу,
Иным порабощён занятъем:
Я каждый день иду по рубежу
Между любовью и проклятьем.
Между водицей ключевой
И затхлой влагою болота...
И в этой жизни кочевой
Ещё живу.
И жить – охота.

ОПЫТ

Я в мае весёлом не маюсь
И утром легко поднимаюсь,
За новое дело берусь.
И то, что намечено ночью,
С утра воплощаю воочью,
Призвав заплутавшую грусть.
И опыт, накопленный прежде,
Дарует, как раньше, надежду,
Что с прошлым расстаться смогу.
Но боли мои и потери,
Как хищные, хитрые звери,
Привычно в пути стерегут.

ПЕЙЗАЖ

Позёмка гуляет по полю
Походкой и лёгкой, и странной,
И хрупкой крупчатою соли
Ложится на свежие раны
Души заплутавшей моей,
Уставшей от будущих распрей.
В мерцании дальних огней
Мне видится созданный наспех
Пейзаж из невидимых снов,
Где я, ещё глупый и юный,
Мелодию слышу снегов,
Летящие трогаю струны.

ЧУДЕСА

Время творчества справилось с бытом –
Пролетело, минуя его.
Это время не будет забыто,
Оно было – прекрасней всего.
Вдохновение – важное дело,
С ним возможны порой чудеса –
Незаметно, но время успело
Переплавить слова в голоса.

К ЦЕЛИ

1

Откуда бы ни вышел,
Куда бы ни пошёл,
Я шёпот слышу,
И слышу хорошо.
Он не похож на окрик,
Он необычно прост,
Поскольку это отклик
Уже погасших звёзд.

2

Я иду среди всякого люда,
Сквозь толпу, не задев никого.
Неизвестно – я вышел откуда,
Но, уверен, – идти далеко.
Не встречаю ни в свары, ни в драки –
Избегаю задержек в пути.
Верю: звёзды – дорожные знаки
Мне до цели помогут дойти.

ПРИШЛО ТЕПЛО

Растаял снег, и сгинула метель,
Всё зимнее отверг хмельной
апрель.

Пришло тепло, оттаяла душа
И позабыла зло, волнением дыша.
И пробудился свет, смягчилась мгла,
И найден был ответ...
Но жизнь – прошла.

БОРЬБА

Трудные будни,
А ночи – трудней,
Снова пребудем
Вольней и мудрей.
Силы растратим,
Ещё соберём –
Время недаром
Пропахло огнём.

РУССКАЯ РЕЧЬ

А к усталости сладкой впридачу
Добавляется утренний снег.
Так удача таит неудачу,
И меняются слёзы на смех...
Если требует строчка замены,
Свои силы не нужно беречь:
Никогда не прощает измены
Справедливая русская речь.

НЕ ХВАТИЛО МАСТЕРСТВА

Елене Быстровой

Я дошёл до опасной черты –
Благодушие в минувшем оставил,
Но черты неземной красоты,
Как хотел, не сумел, не прославил.
Не хватило высот мастерства,
Вдохновенья и трепета рощи
Там, где шелест любого листка
Гениальнее слова и прощя.

ГОРЕЧЬ И СЛАДОСТЬ РЯБИНЫ

Долго помнится редкая радость —
Той рябины декабрьская горечь,
Оттенявшая терпкую сладость
В наступившую вьюжную полночь.
Вечно помнятся детство и юность,
Незаметно пришедшая старость
Бережёт обрётённую мудрость,
Отвергая излишнюю святость.

РЕЧЕНЬЕ НОЧЕЙ

Я добавил бы волю реченью ночей,
Где по вольному полю рыщет ветер
ничей.

А с высокого неба – бескорыстна, скучна –
На волнения хлеба долго смотрит луна.
А полночные песни бесконечных

цикад
Вспоминают беспечно пропавший закат.

СЕРДЦЕ ГРУ́СТИ

Стою на солнечном ветру,
Теней отбросив сеть.
Здесь память горечи сотру –
Сумею уцелеть.
Сомненья сброшу груз
(невмочь его нести),
Оставлю в сердце грусть –
И не сверну с пути.

ИЗВЕСТЕН ОТВЕТ

Этот свет бесконечен и тонок.
Прошивает бездонную высь
Вместе с ним, не задетая стоном,
Укрепляется поздняя мысль,
Понимая, что отклик – не труден,
На вопросы известен ответ:
Да, рассвет непременно пребудет,
Обязательно будет рассвет.

ЗА СТЕРИЛЬНОЙ ДВЕРЬЮ

Я побывал за гранью бытия,
Где было необычно тихо.
Но вскоре Бог вернул меня
Сюда, где боль взыграла лихо.
Кошмар, сгустившийся с утра,
Приоткрывал окно в бессмертье...
За жизнь продолжилась игра
В палате за стерильной дверью.

ЕСЛИ ПРАВИТ ДУША

Из всего, что наметил,
Я не всё сотворил,
Но растратил при этом
Предостаточно сил.
Мысль простая – до жути,
И пришла не спеша:
Жизнь бессмертна, по сути,
Если правит душа.

УМИРАТЬ – НЕЛЬЗЯ

А этот день, как день земного рая –
Ни туч, ни облаков, ни ветерка.
И буйство света, тени простирая,
Ладонь ласкает каждого листка.
Потоки, переполненные зноем,
Возносят жаворонка к небесам.
А песнь его – явление неземное –
Созвучно приземлённым голосам...
Пока жнивье от скошенных хлебов
Ещё живёт закончившейся жатвой,
Живые травы в обществе цветов
Сознание легко дурманят. Жарко!
А ток воды почти неразличим,
Слепíт глаза неукротимым светом.
И никаких нет видимых причин
Быть недовольным этим белым светом.
А вечер вновь на утренник похож:
Всё тот же зной, и те же краски лета,
Пронзает облака́ заката нож,
Чтоб не мешались в чистый час рассвета...
Последний луч, меж облаков скользя,
Верхушки сосен нежно освещает.
Вдруг понимаешь: умирать – нельзя!
И дальний гром об этом возвещает.

ТЕНЬ

Кого любил, я вновь не полюблю.
И снова горечью наполнен.
Один пред вечностью стою,
Живу лишь тем, что помню.
И, памяти листая календарь,
Назад легко отсчитывая даты,
Я зажигаю времени фонарь
И вижу всё, чем жил когда-то.
И с высоты сегодняшнего дня,
Минувшее оценивая строго,
Я вижу, что для прежнего меня
Подругой верною была дорога,
Отдохновеньем – радуга и дождь,
Попутчиком – свободный ветер.
А горечью – рябины летней горсть,
И сладостью – морошка на рассвете.
Там были и товарищи, друзья,
От них остались тени в поле.
И к жизни их вернуть нельзя –
Ни заклинаньем, ни возвратом боли...
Была мечта, как церковь на крови,
Чей дух – высок, а красота – сурова,
Мечта о той единственной любви,
Когда молчание – понятней слова.
Но не сбылось. И говорю: люблю,
Самой любви возвышенной не зная...
Один я перед вечностью стою,
И беззащитна тень моя земная.

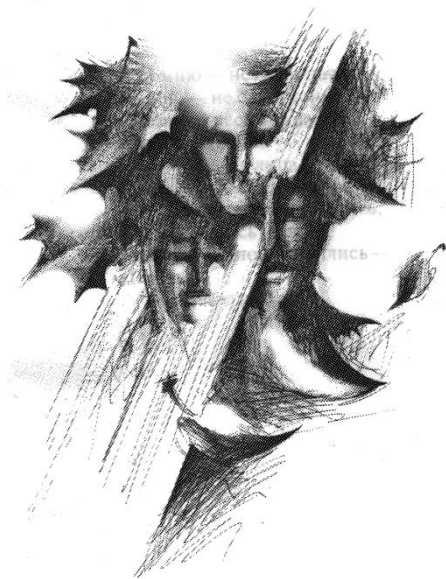

***Пред вечностью душа моя
чиста...***

Чекалов Пётр Константинович, доктор филологических наук, профессор, главный библиотекарь отдела литературы на иностранных языках Ставропольской краевой универсальной научной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова. Окончил Ставропольский государственный педагогический институт. Более 30 лет проработал в различных вузах. Специалист по абазинской литературе, русской литературе XX века. Автор около 250 научных и учебно-методических работ, в том числе монографий: «Страницы истории абазинской литературы» (1995), «Абазинское стихосложение: истоки и становление» (2000), «Литературный пейзаж А.И. Солженицына» (2008), «А.Т. Губин: творческая биография писателя и её художе-

ственное воплощение» (2012), «Сюда пришёл я, чтобы здесь остаться...»; «Страницы творческой биографии К.Л. Мхце» (2016), «Микаэль Чикатуев. Жизнь и творчество» (2018). Лауреат всероссийского конкурса на лучшую научную книгу 2005 года. Лауреат конкурсов «Ставропольская книга – 2009», «Ставропольская книга – 2013». Победитель Всероссийского конкурса «Литература многонациональной России и зарубежья» в номинации «За лучшую публикацию о родной литературе и принципах её популяризации» 2018 г.

Лирика Л.И. Чекалкина **«Пред вечностью душа моя чиста...»**

Родился Леонид Иванович 22 сентября 1940 г. в Монголии, где в то время проходил службу его отец, кадровый офицер Красной Армии. В 1941 г. его перевели в Харьков, где семью и застала Великая Отечественная война. Маму, старшего брата и Лёню, которому не было ещё года, эвакуировали в Киров, где они прожили до конца 1943 г., а затем переправили в Москву.

В 1947 г., семи лет от роду, Леонид пошёл в школу №518, располагавшуюся в самом центре Москвы. Учителя были старой закалки: основательные, знающие, ответственные. Был круглым отличником: за все годы обучения в школе ни разу не осквернил дневник неудовлетворительной оценкой. Школьная жизнь была интересной и насыщенной: несколько лет подряд Леонид являлся секретарем комсомольской организации, принимал активное участие в работе молодёжного театра, в создании «Клуба интернациональной дружбы», занимался различными видами спорта и в разные годы становился чемпионом школы, факультета, института, района, сборов Московского военного округа.

Почти 20 лет семья Чекалкиных проводила лето в дачном поселке для высшего командного состава «Красная звезда». Именно здесь в конце 1950-х годов было написано стихотворение, которое можно считать началом творческого пути: «Стало небо сумрачного цвета».

В этом же посёлке проживала семья адмирала В.Ф. Трибуца, в которой росли две девочки. Однажды

старшая из них подарила Леониду томик стихотворений Есенина, оказавшего потрясающее воздействие на него, и он долго находился под обаянием лирики самого русского из всех российских поэтов. В младшую сестру Леонид был попросту влюблён, и потому трудно сказать, что сыграло определяющую роль в создании стихотворения «Прибитый ливнями и грозами»: то ли стихи Есенина, то ли первая влюблённость:

Прибитый ливнями и грозами
К твоей судьбе, моей беде,
Живу вблизи от чуда-озера,
Где листья мёрзнут на воде.
Там у перил, на старой пристани,
Стою почти до темноты
И в воду вглядываюсь пристально,
В преображённые черты
Давно исчезнувшего неба,
Легко редющей листвы,
Ещё не знавшей вкуса снега,
Забывшей запаха весны.
Почти невидимо течение,
Но листья сбились наугад
Туда, где свет граничит с тенью,
И где господствует закат.
Не за горой похолоданье.
Наверно, будет ночь – светла.
Природа в этот час свиданья
Лелеет призраки тепла.

P.S. Стихотворение приведено в редакции 1980 г.
Эти строки Леонид Иванович считает началом профес-

сионального поэтического творчества, так как именно после них пришло осознание причастности к поэзии.

В 1958 г. Чекалкин с отличием окончил школу и поступил в Московский авиационный институт, где издавалась многотиражная газета «Пропеллер». Именно на её страницах он получил первый опыт журналистской работы, а в начале 1960-х гг. состоялся его поэтический дебют.

Студенческие годы были примечательны и в другом отношении: на третьем курсе он оказался в среде известной в Москве литературной студии «Магистраль», которой руководил Г.М. Левин. Студия работала профессионально, и многие известные поэты не считали для себя зазорным прийти на заседание, обсудить рукопись новой книги, получить откровенный доброжелательный или нелицеприятный отзыв. Каждый приходивший литератор делился своим опытом, приобщал к тайнам мастерства, принимал участие в обсуждении стихов членов студии. В течение нескольких лет Леонид познакомился со многими поэтами и их творчеством. Общение со студийцами, известными поэтами того времени, естественно, сказалось на творческом мировидении и мироощущении Чекалкина. Он и до сих пор считает, что прошёл в «Магистрале» большую поэтическую школу и ушёл из нее вовремя, когда понял, что «ученическая» пора закончилась. На эти годы приходятся публикации стихотворных подборок в журналах «Советский воин», «Знамя», «Подъём», в альманахах «Поэзия», «Кольцо А».

Со временем пребывания в студии связана и первая попытка издания сборника стихотворений. Произошло это следующим образом. Однажды в присутствии Егора

Исаева, известного поэта, возглавлявшего отдел поэзии издательства «Советский писатель», ряд студийцев читали свои стихи. Прочитал и Леонид. В результате Исаев предложил ему занести рукопись стихов. Чекалкин сформировал небольшую книжку под названием «Родство» и передал Исаеву, после чего начались издательские мытарства. Единственным положительным моментом из всего этого Леонид Иванович признает общение с рецензентами той рукописи. А книга так и не увидела свет. И ныне Леонид Иванович так отзывается об этом несостоявшемся событии: «Счастье великое, что первая моя книга не вышла! Первую книгу нельзя издавать! Её можно было разбить на разделы: «Есенин», «Маяковский», «Блок» и т.д., так как вся она была подражательной».

После окончания Московского авиационного института будущий поэт стал военным. Четверть века – с 1965 по 1990 гг. – были отданы службе в Советской армии. «Единственная польза от первой половины жизни заключалась в том, что она научила мыслить, не бояться преград, принимать решения».

Служба в армии и поэзия – вещи практически несовместимые. Он это осознавал вполне. Но ситуация усугублялась категорическим неприятием поэзии в самом ближайшем окружении. «Когда ты прекратишь заниматься этой ерундой?!» – это постоянный фон и сопровождение его ночных бдений, ибо другого времени на стихи просто-напросто не оставалось. А он не только не бросал, а с годами всё больше осознавал, что поэзия – главное и единственно настоящее его призвание. Стихи помогали Леониду Ивановичу выживать в армейской среде. И в 1990 г., в год отставки, он издал свой первый

сборник стихотворений: «Призраки тепла»... В то время автору было уже 50 лет. Нужно сказать, возраст довольно почтенный для вхождения в литературу. Обычно стихотворцы со своей профессией определяются значительно раньше. Но у каждого своя стезя, свои отношения с литературой.

После издания первого сборника стихотворений литература на какое-то время отошла на второй план. В 1990-е гг. Л.И. Чекалкин проводил активную работу в области защиты интересов ветеранов войны и детей «группы риска». Им было написано пять монографий, составивших впоследствии основу книги-исследования «Детство – под угрозой?». Принимал участие в создании фонда «Дети – будущее России», Межгосударственного общественного Союза «За спасение детей России». Много времени было отдано работе в Государственной Думе, общественным советником управляющего делами президента РФ, практической деятельности в различных регионах России. В эти же годы он получил учёную степень доктора социологических наук, стал членом-корреспондентом, затем – почётным академиком Российской академии естественных наук.

Но поэзия возвращалась, вторгалась в жизнь полновластной хозяйкой, сдвигала в сторону всё земное, насущное и требовательно звала к себе. И устоять перед ней было невозможно. И, начиная с 2000 года, было выпущено несколько десятков поэтических книг. Таким образом, явление поэта Леонида Чекалкина состоялось в 2000-е годы.

Я хорошо знаю Леонида Ивановича. А знакомство наше состоялось случайно в Доме литераторов в Москве. Мы оказались в одной компании, сидели за одним

столом, почти не общались, но, тем не менее, я уловил обаяние, исходящее от спокойного, доброжелательного лица. На прощанье он подарил мне сборник стихов «Осенняя пристань». И первое, что меня удивило по прочтении, – чистота лирики, которую я не встречал давно. Представлялась удивительной сохраненная юношеская свежесть стихов, их лёгкость, естественность, будто они «выдышаны» цельно-слитно одним дыханием без поздних возвращений, редакций, правок. И всё это в моем восприятии никак не вязалось с возрастом Леонида Ивановича. Мне казалось, что в такие почтенные годы так уже не пишут, а тут – первозданная лирика, чистая, как первый снег! От чтения я получил огромное удовольствие, истинное наслаждение, как от прекрасной умиротворяющей музыки. И здесь можно выразить абсолютную солидарность с О. Грозной, испытавшей те же ощущения от поэзии Чекалкина: «Проникновенный лиризм и тонкое чувство прекрасного завораживают читателя: появляется ощущение, что душа освобождается от суетного, взмывает в прозрачные небеса и созерцает картины, умело нарисованные поэтом».

Вторая встреча тоже оказалась случайной, и в том же Доме литераторов в Москве. Можно даже сказать, что она была мимолётной. И на этот раз я получил в подарок другой, сборник: «Шёпот, услышанный в шуме».

На следующий день я улетал в Швейцарию. Дорожная сумка была упакована до предела, но я взял с собой книгу Чекалкина и там, в Швейцарии, в комнате, выходящей окнами на Альпы, вновь прикоснулся к чистейшему роднику истинной поэзии, не потерявшейся,

сохранившей себя среди пошлой стихии разнузданного постмодернизма.

Я читал, выпитывал в себя эту ничем незамутнённую русскую поэтическую речь и наполнялся тихим внутренним свечением...

* * *

Если попытаться определить основное назначение поэзии Чекалкина, то его можно выразить его же строчками:

И пересохшими устами
Небес восславить красоту.

Смысловый центр фразы сдвигается к последним двум словам: не столь важно, что именно и какими губами славить, а важна установка на прославление красоты. И этот принцип неоднократно проявляется и утверждается в поэзии Чекалкина: «Прекрасна пора увяданья – / Печален урок красоты». Вот ещё стихотворение, в котором лирический герой умиротворённо наблюдает «спокойный и бесшумный – весенний снегопад»:

Смешное лицедейство –
Снежинок суета,
Бессмысленное действо,
А всё же – красота!

Точно также, наблюдая в другом стихотворении картину хаотического круженья снежинок в вечернем свете фонаря, поэт замечает лишь одно: «И в беспорядочном круженье / Своя сокрыта красота». То есть поэт готов

увидеть прекрасное в любом природном явлении, будь то устремляющиеся в небо дымы или осиротелая луна, прячущаяся за облачным покровом. Призванный в мир для прославления «неземной красоты» поэт признаётся в том, что этого ему ещё не удаётся в связи с тем, что:

Не хватило пока мастерства,
Вдохновенья и трепета рощи
Там, где шелест любого листка
Гениальнее слова и прощя.

Таким образом, по Чекалкину, природа не просто Храм Красоты, но ещё и гениальный Творец, у которого можно поучиться простоте, ясности, безыскусности выраженья.

Даже о физической боли поэт говорит столь изысканно, что внешняя красота высказывания заглушает, переносит на второй план заключённый в строках смысл, а на первый выходит ощущение высокой поэзии:

Боль расслышать не даёт:
Это птичий перелёт,
Или вечность пролетает?

И о разлуке говорится с такой щемяще-протяжной интонацией, что вопреки смыслу слов фраза обретает поэтическое очарование: «Летящая тихо печаль расста- ванья». Выразительная пластика словесного изображения такова, что восхищаешься не столько содержанием строки, сколько её звучанием.

Нельзя сказать, что тематическая палитра лирики Леонида Ивановича очень разнообразна. В сущности, в

ней можно выделить лишь две основные темы: жизнь природы в её постоянной переменчивости и внутренняя жизнь лирического героя во всём многообразии её проявлений. И зачастую эти две тематические линии переплетаются неразделимо. Чекалкин подмечает и лирически воспроизводит целый калейдоскоп природных превращений и перевоплощений. Именно в пейзажной лирике со всей отчётливостью проявляется зоркость, наблюдательность поэта, его умение опозитизировать, придать тонкие лирические черты обыденным явлениям:

Осколок утренней зари
Упал с небес.
И задымился изнутри
Промокший лес.
Туман разбуженной весны
Лишь отгенил
Едва родившейся листвы
Избыток сил.

Это – чистая пейзажная лирика. Послушайте ещё одно характерное для Чекалкина пейзажное стихотворение, в котором отчётливо проявляется настроение лирического героя:

Тонкий-тонкий, острый-острый
серп ночной луны
там, где облако, как остров
тишины.
Звонкий-звонкий, чистый-чистый
голос соловья.
Вся земля – святая пристань
звёздного огня.

Грустный-грустный, нежный-нежный
зов вдали,
согревающий безбрежье
неба и земли.

Прислушайтесь к интонации, к легкости звучания стихотворения, и вы почувствуете, что оно близко напоминает стиль и интонацию А. Фета. Думаю, это не случайно. По моему мнению, Леонид Иванович осознанно или бессознательно следует поэтическим традициям этого поэта 19 века.

В соответствии с сезоном за окном, хотелось показать вам и зимние картины. Послушайте:

Не помню я, в каком часу,
Какого дня недели
Обрушила свою красу
Вся оторопь метели.

И вот опять летят снега,
Свои рождая страхи.
Оделись сонные стога
В нательные рубахи.

И, завихрясь на весу,
Сто рукавов метели
Запеленали всё в лесу –
Рябины, сосны, ели.

Не прекращаясь, падал снег,
И даль скрывалась в снеге,
В снег превращался человек
В заснеженной телеге.

И лошадь белая брела –
Одна – по белу свету.
Дорога белая была,
Вела она к рассвету.

Я надеюсь, вы, как и я, физически почувствовали переполненную белым снегом картину. Снега в этих строках такой переизбыток, что кажется, он вот-вот вывалится за стихотворные размеры.

Вот ещё один зимний эскиз:

От января – до февраля
Немалый срок.
В холодном свете фонаря
Ученье – в прок.
А ночь раскинула крыла,
Сгущает мрак,
Метель сугробы намела
Не просто так:

Реки укрыла берега,
И скрыла лед,
И не закончились снега,
И длят полет.
И загорается свеча,
Бросая блик,
И тёплый свет её луча
Во мрак проник...
Проникновение добра
Во глубь глуши –
И есть заглавная игра
Моей души.

И здесь снова хотелось бы акцентировать ваше внимание не только на то, как мастерски, без излишеств, легко и непринуждённо набрасывается на поэтический холст линии и краски лирического пейзажа, но и на звучание стиха. Это же музыка без единой фальшивой ноты!

И заметьте, как в финале органично и ненавязчиво поэт от зимнего пейзажа переходит к размышлениям о сущности своего назначения: «Проникновение добра / Во глубь глуши – / И есть заглавная игра / Моей души».

Природа привлекает взор поэта даже тогда, когда оскудевает палитра красок и основой пейзажа становится слякоть. Но при этом редко когда картина замыкает в себе только пейзаж, почти всегда она приоткрывает настроение героя, его восприятие, чувствование, переживание момента. Так, например, лёгкий шорох шурги по карнизу, шелест промёрзлых листьев в саду призваны для того, чтобы оттенить «потаённый упрек одиночества» лирического героя. И описание летящего над дымящейся рекой снега даётся не только для выявления его чисто природных свойств, но и для того, чтобы вскрыть его воздействие на героя: «Этот снег врачует раны / И душевный непокой». Нередко природные зарисовки перемежаются с выражением любовного чувства, отношения к любимой: «А кусты и деревья – все в инее, / В белом панцире – вновь провода... Я живу твоим праздничным именем...» Обратите внимание, как гармонично сочетаются между собой природное и любовное.

Хочу предложить вам два небольших стихотворения, в которых пейзажная лирика незаметно перетекает в любовную:

Упали низко небеса –
На лес и крыши,
Слышны не только голоса,
И шёпот слышен.
И, отражённые рекой,
Под низким сводом
Слова любви несут покой –
Перед уходом.

Стихотворение небольшое, и основная тема его, конечно же, – состояние природы. Но в заключительных строчках возникает любовный мотив: «Слова любви несут покой...»

А самые последние слова («перед уходом») осмысливаются как перед уходом из жизни. И такой финал придаёт маленькому шедевру печально-лирическое настроение.

Вот ещё стихотворение, в котором пейзажная и любовная линии снова сливаются воедино:

Пресный запах дремотной воды
Мне сегодня уже не приснится
Как и эта внезапная птица,
Всполошившая криком пруды.
И какие же могут быть сны
Кроме сна, где спешу повиниться
Перед той, кто не хочет мне сниться
На излёте счастливой весны?

Возникающий во второй строфе образ той, кто не хочет сниться лирическому герою, и сосредоточивает в себе любовный мотив. И как прекрасно звучит восьми-

стишие с органичной кольцевой рифмовкой и всего двумя рифменными парами!

А как выглядит чистая любовная лирика у Чекалкина?

А вот, послушайте:

Задумчивый ангел печали,
Незримый хранитель любви,
Скитается где-то ночами,
Но след оставляет в крови.
А след остаётся всегда,
И я замечал не однажды:
Расстанусь с тобой, и тогда
Опять умираю от жажды.

Полная завершённость миниатюры в формальном и смысловом планах. Так и хочется сказать: совершенство!

Я думаю, что можно смело говорить о том, что основу поэзии Л.И. Чекалкина составляет именно пейзажная лирика, а от неё уже тянутся нити к любовной и философской. Мы только что на конкретных примерах увидели взаимосвязь пейзажной и любовной тем. А как обстоят дела между пейзажем и рефлексией? Давайте обратимся опять к примерам, и мы заметим, что созерцание природы подводит героя к философским размышлениям:

Ночной пейзаж привычно прост:
Высоких звезд извечное свечение.
А что волнует больше – море звёзд
Или одной звезды паденье?
Раздвинулся ночной простор.
Горит огонь многоязыкий.

А что тревожит душу – сам костёр
Или костром отброшенные блики?

Пейзаж также становится поводом для выведения формулы жизни, соответствующей определённому возрасту и обрётённому опыту:

В небесном океане – звёздно.
И звёзд – не сосчитать,
И океан – не переплыть...
Ещё возможно – полюбить,
Разочаровываться – поздно.

Обратим внимание на смысл, выраженный в заключительных строках: сердце ещё способно полюбить в зрелом и даже почтенном возрасте, но оно уже не способно вынести очередного разочарования. И как об этом прекрасно сказано: «Ещё возможно – полюбить, / Разочаровываться – поздно».

Вот ещё примеры сочетания рассматриваемых тем:

Лунным светом – оловом молчанья
Залита весенняя трава,
Елей еле слышные качанья.
Сосен – полушёпотом – слова.
Потеряли звуки очертанья.
Только голос внутренний кричит,
Наблюдая смертные метанья
Пламени истаявшей свечи.

Здесь философское начало заключает в себе образ истаявшей в смертных метаниях пламени свечи. Ещё одно стихотворение пейзажно-философского плана:

Длится долгой зимы безмятежность –
Ни морозов, ни долгих метелей.
Поутихла тревожная нежность
В переулках заснеженных елей.
Поубавилось страсти и жажды –
Жизнь идёт по дороге покатой.
Лишь душа, народившись однажды,
Всё живёт и стремится куда-то.

Вы заметили, на каком именно отрезке повествование о природе перешло в повествование о себе? На самом деле это сложно уловить, настолько сращены между собой две темы. Вот ещё один такой пример:

Тихо-тихо, нежно-нежно
Обращался вечер в ночь.
Я искал слова прилежно,
Чтобы этому помочь.
Удивительные вести:
Ночь живёт, себя даря
Тем, кто чутко слышит песни,
И кому нужна заря.

И снова – в который раз! – хочется выделить вот это свойственное Чекалкину удивительную черту: мелодию стиха. Порой кажется, что некоторые его произведения ценны не столько заключенным в них смыслом, сколько самим звучанием.

А вот пример чистой философской лирики:

Не веду прожитому отсчёт –
Вдохновения длится страда.

Моё время бесшумно течёт,
Неизвестно – зачем и куда.
Не могу сосчитать, сколько звёзд
Приютила на листьях вода...
Только вечное время течёт,
Точно зная, – зачем и куда.

Образная система Чекалкина, связанная с природой, многолика и неохватна, из них коснёмся лишь наиболее характерных. Так, в лирике поэта большое место занимает образ птицы. И семантика её различна. В первую очередь она выступает частным явлением реальной природы: «Как и эта внезапная птица, / Всполошившая криком пруды». Но птица может обернуться и метафорой поэзии: «...Птицу – вдохновения сестру», любви: «Прилетит хмельная птица – / Потеряешь песням счёт», а если появление птиц сопровождается негативным шумовым эффектом («Налетели шумно птицы...»), то это явный признак неблагополучия в отношениях с любимой: «Я – молчу, и ты – молчишь».

Из природных явлений наиболее тесная связь у лирического героя обнаруживается именно с птицей, крик которой почти всегда заключает в себе нечто вещее. И герой не только способен услышать этот зов, откликнуться на него душой, но и обрести способность к полёту:

И запахами терпкими дыша,
Услышал вдруг, что птица прокричала...
На этот крик моя откликнулась душа,
Готовясь в небо улететь с причала.

Любопытно, что даже стремительный почерк поэта чем-то напоминает птичий полёт: «по-птичьи стреми-

тельный почерк». И сам герой становится похожим на птицу во время работы за столом: «Я с птицей сходство нахожу, / Пока пишу стихотворенье», и даже слова, рабочий материал лирического субъекта, обнаруживают родство с птицами: «Слова это – вечные птицы, / Прекрасен их вольный полёт». А порой сакральность образа обретает такие вещественные очертания, что трудно даже различить: «То ли ангел летит / То ли белая птица». «Тихие песни пернатой души» наряду с шорохами лета, приближают, способствуют наступлению рассвета, и лирический герой оказывается согрет спасительной мыслью о том, что ещё возможно счастье на Земле, ибо – «птицы приносят рассвет». Таким образом, птицы оказываются непосредственно связанными с понятием земного счастья для героя. С ними же связан и мотив пробуждения народа, проникновение в них высшего света: «И ранних птиц начнётся лёт – / Разбудит свет в народе».

Образ звезды тоже выступает разнородным и разнокачественным. Так, например, весело спадающая с небосклона звезда отражает беспечно-хмельное, счастливое состояние героя: «Пролетит путём фартовым / Загулявшая звезда». Имеющая «далёкое звучание» звезда выступает олицетворением обещанья, залога: «Молча в небесах ищу звезду... / Жду её далекое звучанье, / Отклика обещанного жду». Порой звезда реверсифицируется в богиню любви, возможно, в любимую, возведённую в ранг богини: «Надо мною восходит богинею / Неприаметная прежде звезда».

Осознавая жизнь подарком, пройдя через «мучительные, нежные, весёлые» и «прекрасные уроки» любви, герой Чекалкина порой чувствует себя «счастливей

всех на свете». Может показаться, что это противоречит другому устойчивому мотиву – одиночеству, но тем не менее они сочетаются, вероятно, сменяя друг друга время от времени.

Для лирического субъекта – творческой личности – одиночество превращается в необходимое условие занятий поэзией: «Мне одиночество дано / Для избавленья от словес». И всё же иногда оно становится таким невыносимым, что вызывает мольбу, больше напоминающую крик от боли: «О Господи мой, милосердный! / Ты знаешь, как я одинок...»

Основным временем действия в стихах Чекалкина нередко выступает ночь. Ночные часы, как правило, отводятся литературной работе.

Вот несколько цитат из разных стихотворений, подтверждающих эту мысль: «Снова ночи – бессонные будни, / Благодатное время труда», «Продлённая пауза ночи / Наполнена тайным трудом», «Подступает к сердцу полночь – / Творчества сестра». Вообще нужно признать, что герою дорого любое время, когда он отдаётся творческому поиску, будь то время осени или дождя:

Задождало. Время это –
Не безделья, не тоски.
Это – праздник для поэтов,
Для рождения строки.

И всё-таки наиболее излюбленным временем суток для лирического героя Чекалкина является час рождения дня, и он с особым пристрастием наблюдает за ним:

Привычка многих лет – / Следить, как тает мгла,
И власть берёт рассвет, / Чтоб нежность ожила.

Именно это мгновенье он рад приветствовать во всеуслышание: «Здравствуй, утреннее чудо – / Солнечный восход!»

Его стихи полны признаний о трепетном ожидании этого часа. И снова несколько цитат из разных стихотворений: «Дожидаюсь прихода рассвета», «Встречаю раннюю зарю», «Жду осеннюю зарю», «Почему мне нужно очень / Встретить огненный рассвет»...

Эта пора ему дорога не только тем, что с образом рассвета связывается мысль о возможности счастья. Об этом он выражается таким образом: «На земле ещё может быть счастье, / Если птицы приносят рассвет». Именно на заре «сподвижник туманных минут» замечает, что «утренний труд / проясняет сознание мудро», именно в это время ветер приносит ему «трепет утренней строки», а заря, наконец, облекает в слова мучившие всю ночь поэта образы:

А зарницы – тревожные птицы,
Покидая навек небеса,
До моей долетели страницы,
И слова обрели голоса.

Вследствие этого заря соотносится и с профессиональным промыслом поэта:

Я увижу, как огненной птицей
Свет летит в облака –
Оживёт на небесной странице
Неизвестная миру строка.

Занятия лирического героя Чекалкина порой кажутся настолько причудливыми, что понять и объяснить

их с рациональной точки зрения невозможно. Вот, например: «Пока же литься свет / с небес не устаёт, – / не знает сна поэт, / и листьям счёт ведёт».

Мы замечаем, что этот беспечный созерцатель, находящий свой смысл в том, что с житейской точки зрения абсолютно бессмысленно, не совсем от мира сего: «Я в открытый ковш ладоней / Собираю тихий свет», или: «К голосам прислушиваюсь неба», или: «Я слышу: тает снег»... Но мы понимаем, что именно вот эта «чудная» сторона его личности и позволяет ему стать Поэтом. В этом месте предлагаю стихотворение, в котором наиболее отчётливо выражена художественно-эстетическая сущность личности героя Чекалкина:

Случайные звуки играют в ночи.
Неясно – кому, я шепчу: помолчи!
Внимаю я росту бесшумной травы,
Повеет ветра и молви молвы.
Спешу я услышать, как дышит вода,
Как в ней отразившись, сгорает звезда.
И снова кому-то шепчу: помолчи!
Я слушаю грай – здесь играют грачи.
А время, что было с рожденья дано,
Уходит навечно, и – настезь окно,
И воздухом звонким я жадно дышу,
И жизни у неба прошу.

Лирический герой осознаёт, что ему «с рожденья подарен неброский талант». Ощущая за собой «умение чувствовать чудо: / вылавливать в вечном просторе / бесшумно летящие звуки», он берёт на себя непростую обязанность «вызволять запасы слов / для служения ис-

кусству». И он трудится над тем, чтобы смысл собственной судьбы «явился точным в слове».

Характерной чертой поэзии Чекалкина является то, что язык его стихов наполнен выразительными средствами, и все они, как правило, очень органичны, естественным образом вплетаются в ткань лирического повествования. Например: «Белых птиц караван» – прекрасная метафора снежинок. «Луна блестит, как в кринке молоко» – верно подмеченное сравнение. Вслушайтесь в звучание следующего фрагмента: «А вместо строчек – прочерки в ночи. / А ночь – черна. И в ночи той грачи» – мастерски выстроенная звукопись: в первых двух словах («вместо строчек») прекрасно обыгрываются сходные звуки «сто» – «стро», а затем идет игра на сочетании звуков «н» (4), «р» (5), «ч» (7).

Наблюдательность, образное мышление, умение лаконично и ёмко выразить завершённый образ проявляется и в стихотворении «Августовская гроза»:

Похожие на шляпку вбитого гвоздя,
Упали капли летнего дождя
В густую пыль просёлочной дороги.
Сначала – редко, а потом – всё чаще,

На поле, озеро, на небольшую чащу
Дождя упали – вертикально – строки.
Приметы ослепительного зноя
Растаяли, как облачко резное,
Оставив тучам власть на полчаса.
А местных птиц разрозненная стая
Летит, те струи строк пересекая,
И празднично звучат их голоса...

Сравнение, открывающее стихотворение («Похожие на шляпку вбитого гвоздя, / Упали капли летнего дождя»), уже в конце первой строфы преобразуются в метафору: «Дождя упали – вертикально – строки». С этой же метафорой в несколько изменённом виде мы встречаемся в следующей строфе: «струи строк». Тут же проявляется ещё виртуозное владение аллитерацией: «А местных птиц разрозненная стая / Летит, те струи строк пересекая»: в двух строчках 5 раз воспроизводится звук «р», 6 раз – «с», 7 раз «т». Особое изящество мелодика обретает от того, что сочетание «ст» встречается дважды (местных, стая), и ещё дважды – сочетание «стр» (струи строк). Немаловажный нюанс: никакой искусственности, нарочитости при этом. Все как бы само собой выдышалось в самой оптимальной лексической и звуковой организации.

* * *

В январе этого года Леонид Иванович прислал мне по электронной почте новое своё стихотворение под названием «Отшельник». Я понял, что это поэтическая удача и от души поздравил автора. При этом я всё же не удержался и обратил внимание на некоторые шероховатости, которые, с моей точки зрения, ослабляли звучание произведения. Шаг, с моей стороны, конечно, был рискованным, так как самолюбивые творцы могли бы квалифицировать его как вторжение в их творческую лабораторию. Как же поступил Леонид Иванович? На следующий день со словами благодарности он прислал доработанный в ключе сделанных замечаний вариант...

Я этот эпизод привёл не для того, чтобы подчеркнуть значимость собственной персоны, к мнению которо-

го прислушиваются авторы, а чтобы показать, как в этой реакции поэта выражается его сущность: не скандальная, спокойная, уравновешенная, готовая учесть взгляд со стороны, если мнение аргументировано и способствует улучшению произведения. В итоге стихотворение вошло в сборник поэта «Зарево реки» (2020) в таком виде:

Под январским простуженным небом
Жизнь проходит своим чередом.
По тропе, припорошенной снегом,
Прихожу я в ветшающий дом.
Покосилась немного ограда,
Цвет опавшей листвы потемнел,
Но ограда совсем не преграда
Для любых поэтических дел.
Ясным днём или в зябком тумане
Прохожу свой отрезок пути –
Злата-серебра нету в кармане,
Только крестик простой на груди.
Я – отшельник той вятской породы,
И любому растеньицу рад...
Между мною и русской природой
Никаких не осталось преград.

Стихотворение очень характерное для Чекалкина. Выделим наиболее значимые образы первой половины текста: простуженное небо, припорошенная снегом тропа, ветшающий дом, покосившаяся ограда, потемневшая листва... В них, казалось бы, нет прямой оценочности, но тем не менее своей эмоциональной окраской они создают картину неблагополучия, общую атмосферу мира, в котором обитает лирический герой – отшельник, избе-

гающий шумного общества, живущий в своем природном уединении. И потому заключительные строки выступают логичным и органичным завершением стихотворения: «Между мною и русской природой / Никаких не осталось преград». То есть речь идёт о естественном единении пустынноика с природой. Такое прочтение непротиворечиво и согласуется с текстом произведения. Но в то же время необходимо заметить, что слово «отшельник» в данном случае используется не столько в прямом своем значении, сколько в переносном: герой сопричастен «поэтическим делам», следовательно, за творчество его носит не религиозный, а творческий характер. Тогда получается, что та близость отшельника с окружающим миром, о которой мы только что говорили, механически переносится на героя-стихотворца? Да, только в этом случае заключительный смыслообраз обогащается дополнительной семантикой: речь идёт уже не только о метафорической сращенности человека и природы, но и о физическом уходе в неё. Таким образом, стихотворение обладает двумя смысловыми пластами: первый из них исходит из лирического сюжета и лежит на поверхности, а второй – подспудный, скрытый, и о его наличии можно догадаться, зная некоторые детали жизни автора. И характерность стихотворения, о которой мы говорили выше, выражается не только в образном строе, умонастроении лирического героя, но и в смысловом богатстве его. Это тоже существенная черта поэта. Лишним подтверждением тому служит и первое стихотворение того же сборника «Зарево реки»:

Серьёзный возраст накопил,
Трудясь, не празднуя,

Стихов немало наплодил
В разделе: Разное.
И разобрался, что к чему,
Поверил божьему,
Мне стало проще самому
Отринуть ложное.
Перед лицом былых потерь,
И веря встречному,
Я отыскал простую дверь
С табличкой: Вечное.

Стихотворение открывается творческим мотивом («Стихов немало наплодил...») и завершается строчками: «Я отыскал простую дверь / С табличкой: Вечное». Если исходить из намеченной в начале стихотворения творческой темы, смысл заключительной фразы должен быть следующим: моих стихов не коснётся забвение, они причислены к вечности.

Но снова обратим внимание: из трёх строф поэтическая тема присутствует лишь в первой, и в интерпретации заключительных строк не обязательно исходить из неё. Образ двери с табличкой «Вечное» может иметь и другое значение, а именно: пройдя до конца жизненную дорогу, я (т.е. лирический герой) подошёл к двери, за которой царствует вечность. (Я полагаю, нет необходимости раскрывать буквальный смысл последнего метафорического слова «вечность», оно достаточно прозрачно). Как видим, и здесь стихотворение может иметь двойное прочтение.

Литературный труд бесконечен, и поэт мучительно размышляет о природе своего дара и в конце снова приходит к той же мысли безостановочности творческого процесса:

Зачем дана возможность эта –
Ночной порой, или в часы рассвета
Случайный дар торжественно беречь
И понимать ручья живую речь?
Внимать и шорохам травы,
И шелесту, и шёпоту листвы;
И зверя зычный голос узнавать,
Залётным ветром доносимый?
Зачем ещё другая сила –
Любить людей?
Чтоб от людей – сгорать?
Зачем – не знаю, почему – не знаю.
Живу, остановиться не могу.

Подчеркнём, что в контексте стиха «живу» прочитывается как «творю», ибо для поэта жизнь и есть сплошное творчество. Таким образом, поэзия оборачивается смыслом существования героя вообще. И потому даже окончание своего земного срока им воспринимается не как конец жизненного пути, а как невозможность продолжать заниматься далее своим любимым делом:

Но настанет мгновенье / В неизвестном году –
Смолкнет сердца биенье, / Бездыханным паду.
Тростником я не стану / На ином берегу, –
Просто я перестану / Делать то, что могу.

Герой, осознавая, что «в светлом мире» жизнь «спешит к концу», не может не задумываться о смысле, назначении собственных творений:

И путь мой к закату стремится уже,
А труд – не заметен, – вершится в душе.

И, вроде бы, толку в нём мало –
ни хлеб, ни зерно.
Но строки рождаются, и, значит, есть прок:
Кому-то – надежда, кому-то – в урок,
Но, главное, всё-таки – свет,
если в мире темно...

Таким образом, значение собственного творчества поэтом осмысливается как служение свету, олицетворяющему в себе святость, благородство, красоту, мудрость. Служение поэзии, в конечном счете, оказывается равнозначным служению добру. Вспомним: «Проникновение добра во глубь глуши – / И есть заглавная игра моей души».

Леонид Иванович очень естественный, природный лирик. («Природный» – в значении: заложено природой, генетически свойственно). Читать его стихи всегда приятно, даже упоительно. Они обладают очень редким, почти исключительным в современных условиях свойством: дарить радость и просветление, доставлять эстетическое удовольствие своей чистотой, прозрачностью, лёгкостью, стройностью форм, метафорическим мышлением автора, умением воспринимать мир образно, а затем представлять его в преображённом, более праздничном и насыщенном смыслом виде. Поэт ведёт свой разговор на такой доверительной ноте, что читатель нисколько не сомневается в искренности и чистосердечности его признания:

Замешана на памяти и чести,
Пред вечностью душа моя чиста.

Он прислушивается, чтобы услышать в себе голос неба, чувствует себя связующим меж небом и землёю,

осознаёт себя лирическим атлантом, которому суждено держать на своих плечах купол небосвода:

Начиналось тихо утро,
Обещало ясный день,
И мою терпело мудро
Целомудренную лень.
А грехи минувшей жизни
Растворились без труда.
Даже горечь укоризны
Не оставила следа.
А невольная свобода
Мне досталась для того,
Чтобы купол небосвода
На плечах держать легко.

На один из вопросов подготовленной мной анкеты Леонид Иванович ответил: «В современной поэзии ощущаю себя заброшенным островом в океане». Объяснять заложенный в этих словах смысл поэт не стал, но мне кажется, что за ними стоит горечь от сознания того, что, будучи поэтом, и поэтом истинным, он остаётся малоизвестным. А между тем Илья Клейнер – философ, прозаик, поэт, художник, – чьему эстетическому вкусу можно доверять, признавая Чекалкина «явлением чисто русским, чисто национальным», отводит ему «одно из ведущих мест в первой десятке отечественных поэтов». И мне думается, что в этих словах заключена большая правда.

Лекция прочитана студентам 4 курса Ставропольского государственного педагогического института 25 декабря 2020 г. профессором П.К. Чекаловым.

Литературно-художественное издание

Григорий Ерёменко
Леонид Чекалкин
Пётр Чекалов

Чёрным по белому

Трёхкнижие

Обложка художника *Петра Ефремова*
Оригинал-макет *Миледина М.*
Корректор *Миледина М.*

Подписано в печать 07.04.2021
Формат 70х100/32
Тираж 100 экз. Заказ №

ГРИФОН

125284, Москва, Хорошевское шоссе, 38
Тел. (499) 740-45-62
www.grifon-m.ru